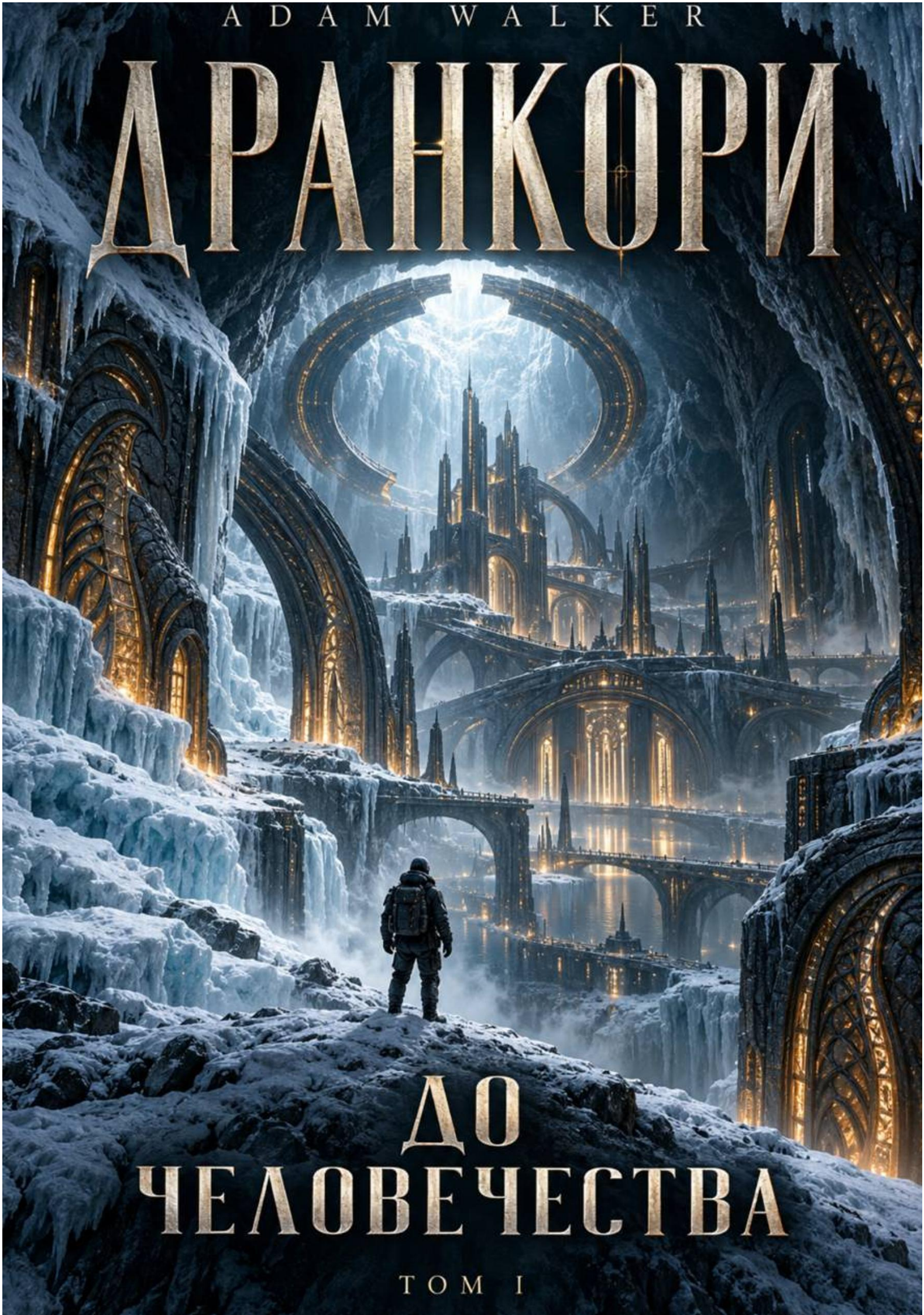
ADAM WALKER

ДРАНКОРИ

ДО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

ТОМ I

Adam Walker

Дранкори. До человечества

«Автор»
2026

Walker A.

Дранкори. До человечества / A. Walker — «Автор», 2026

В египетской пустыне археологи находят древнюю дверь из неизвестного материала. Царапины на её поверхности затягиваются, а узоры меняются прямо на глазах.Генетик Адам Астафьев получает засекреченные образцы с раскопок. Среди снимков он замечает рисунки, которые уже видел прежде: такие же были в записях его покойного отца. Когда-то Адам отказался верить его теориям. Теперь спросить уже некого.Чтобы понять, что скрывается за загадочной находкой, ему придётся обратиться к прошлому своей семьи. Но ответы нужны не только ему.

© Walker A., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 7
Глава 1. Песок 10
Глава 2. Зал 15
Глава 3. Образец 19
Глава 4. Выживший 23
Глава 5. Не человек 28
Глава 6. Метка 33
Глава 7. Цепочка хранения 37
Глава 8. Берлин 44
Глава 9. Один и тот же сон 50
Глава 10. Схождение 56
Глава 11. AURIX 64
Конец ознакомительного фрагмента. 66

Adam Walker
Дранкори. До человечества

Adam Walker
Дранкори: До человечества

Содержание
Пролог
Глава 1. Песок
Глава 2. Зал
Глава 3. Образец
Глава 4. Выживший
Глава 5. Не человек
Глава 6. Метка
Глава 7. Цепочка хранения
Глава 8. Берлин
Глава 9. Один и тот же сон
Глава 10. Схождение
Глава 11. AURIX
Глава 12. Вторая дверь
Глава 13. Красное небо
Глава 14. Тета
Глава 15. Налёт
Глава 16. Нара
Глава 17. Голос отца
Глава 18. Спасители
Глава 19. Архив
Глава 20. Мы не первые
Глава 21. Каир
Глава 22. Разум
Глава 23. Я помню тебя
Глава 24. Юг
Глава 25. Лёд
Содержание
Глава 26. Противостояние
Глава 27. Город
Глава 28. Оно знает меня
Глава 29. Зал Истории
Глава 30. Образ, который ещё не пришёл
Глава 31. Чёрная Звезда
Глава 32. Что она такое
Глава 33. Долгая память
Глава 34. Наследник или ресурс
Глава 35. Диссиденты
Глава 36. Сбор
Глава 37. Присвоение
Глава 38. Сохранённые
Глава 39. Марина

Глава 40. Ресурс и наследник
Глава 41. Источник
Глава 42. Переводчик
Глава 43. Переписывание
Глава 44. Ответ
Глава 45. То, что осталось
Глава 46. Пробуждающийся мир
Глава 47. Наследник
Глава 48. Приближение
Глава 49. Не один
Глава 50. Первые, кто выжил
Эпилог. Распечатанная запись

Пролог

Последний день Первой Земли

Земля. Задолго до появления человека.

За четыреста лет Иссара научилась разбирать первые сообщения Аруна, не зажигая колонны памяти. Утреннего света из высоких проёмов всегда хватало.

Сегодня она поднесла запись ближе к лицу.

Свет падал сквозь высокие проёмы Зала Хранения, ложился на ряды кристаллов и рассыпал по полу длинные полосы запертого в них цвета. Он был цвета старой крови, лежал на тыльной стороне её рук, как ржавчина. Когда Иссара подняла один чешуйчатый палец к ближайшей колонне памяти, ответившее ей сияние оказалось единственным чистым светом в зале.

Пепел с дальних хребтов, сказала она себе. Морской ветер приносил его и прежде. К полудню небо очистится.

С тех пор как начались толчки, ей часто приходилось себя успокаивать.

Под Залом просыпался город дранкори. Через камень Иссара чувствовала тепло подземных дорог, первое движение воды в цистернах, низкий пульс Аруна. Его башни не строили — их выращивали из семенного камня, из кости, коралла и медленной химии глубин. Девять тысяч лет они стояли на этом берегу, склоняясь к морю, как лес склоняется к солнцу.

Гребень вдоль её черепа поднялся сам, прежде чем разум успел назвать причину.

Пол дрогнул.

Иссара ухватилась за стойку. Кристаллы зазвенели; у дальней стены накренилась колонна памяти. Она видела, как та падает, и знала, что не успеет.

Четыре века истории рыбацкого рода рассыпались по полу яркой пылью. Иссара шагнула к обломкам и остановилась: под ногой хрустнуло ещё что-то, слишком мелкое, чтобы поднять.

Когда дрожь стихла, Иссара ещё держалась за стойку. Снизу донёсся протяжный сигнал. Его повторили башни над гаванью, затем дальние, за жилыми террасами.

Сигнал спуска. Иссара слышала его на учениях.

Она вышла из Зала.

* * *

На Морской Террасе пахло серой.

Иссара остановилась у парапета. Там, где утром должен был светлеть горизонт, поднималась стена пепла. Под ней горел дальний берег — длинной неровной полосой, уходившей за край зрения. Молнии вспыхивали внутри чёрных облаков.

Внизу, на площади, открывали входы в подземные галереи. Жители выходили из домов. Одни несли детей, другие помогали тем, кто не мог идти самостоятельно. Некоторые останавливались, глядя на море, и стоявшим позади приходилось их обходить.

— Иссара.

Вэран шёл к ней от лестницы. Старейший Совета не надел церемониального обруча; на чешуе его горла лежал пепел.

— Все идут в нижнее убежище, — сказал он. — Ты тоже.

— Что происходит?

Он посмотрел на горящий берег.

— Ночью раскрылась кора. Станции передают новые разломы. Не только здесь.

— Насколько далеко?

— С восточного побережья пришло то же сообщение. Потом связь оборвалась.

Иссара снова взглянула на площадь. У ступеней галереи плакал ребёнок. Взрослый опустился перед ним, что-то говорил, но тот всё тянул его обратно, к улице, с которой они пришли.

— Сколько времени у нас есть?

— Пока проходы целы. Я не знаю, сколько они выдержат.

За её спиной снова зазвенели кристаллы.

— Мне нужны носильщики, — сказала Иссара. — Для летописей.

Вэран молчал.

— Хотя бы для нижних рядов. Их можно снять целиком.

Вэран посмотрел на её руки.

— Все, кто может нести, сейчас выносят тех, кто не может идти.

Она кивнула, прежде чем успела придумать ответ.

В Зале оставались голоса умерших, карты исчезнувших берегов, родословные, которые она знала лучше собственной. На то, чтобы вынести стойки целиком, понадобятся дни.

— Я вернусь за одной записью.

— Выбери быстро.

* * *

К Залу Иссара шла против потока. Из верхних помещений спускались хранители, служители, семьи с жилых террас. У поворота лестницы ей пришлось прижаться к стене: двое связников несли согревающую колыбель с кладкой яиц. Меньший держал ладонь на её боку, другой смотрел только под ноги.

Следом за связниками взрослый нёс на руках того самого ребёнка, который плакал на площади. Ребёнок теперь затих, но взрослый всё ещё тихо его успокаивал.

Иссара пропустила их и поднялась наверх.

Зал опустел. Сквозь проёмы ветер гнал пепел; он оседал на стойках, гасил блеск рассыпанной памяти. Иссара перешагнула через обломок колонны и дошла до своего места.

Здесь каждое утро она принимала сообщения города. Запись предыдущего дня ещё лежала открытой. В ней были спор о воде между двумя террасами, завершение новой гавани, имена родившихся.

Она прочла первое имя. Вчера ещё успела поправить его: переписчик пропустил знак. Сейчас этот исправленный знак задержал её дольше всех сообщений о толчках. У кого-то только вчера появился ребёнок, и имя его должно было остаться верным.

Иссара закрыла запись.

Вэран велел выбрать, что унести. Но всё, что хранилось в Зале, уже было записано. Последнего утра Арууна ещё не было нигде.

Иссара достала из гнезда чистый кристалл, помещавшийся в ладони, и открыла новую летопись.

Сначала перенесла в неё последние сообщения станций: время толчков, жар, движение коры, обрыв связи с востоком. Затем добавила то, что видела сама. Красный свет на руках. Горящий берег. Открытые спуски. Колыбель с кладкой яиц, которую пронесли так осторожно, словно её несли по спящему дому.

На записи о ребёнке она задержалась. В ушах ещё стоял его плач. Имени она не знала; не знала и того, за кем он тянул взрослого обратно.

«Ушёл с площади. Направление — нижние галереи».

Она убрала палец с кристалла, не дописав, что он добрался. Нужно было идти самой.

По стене прошла трещина. Иссара пригнула голову; на стол посыпалась каменная крошка.

Оставалась графа причины. Иссара вызвала сообщения станций ещё раз. Разломы. Жар. Обрыв связи. Последнее сообщение с востока кончалось на середине.

Пальцы дрожали; несколько раз она коснулась не той грани. Над головой с сухим треском осел потолок.

Иссара оставила графу пустой и запечатала запись.

Кристалл погас у неё в ладони.

Она убрала его в складку одежды и пошла к выходу. У дальней стены ещё светился осколок разбитой колонны. Иссара нагнулась, подняла его. Внутри мелькнуло чужое лицо и распалось прежде, чем она успела его различить.

Она положила осколок на ближайшую стойку.

* * *

На площади уже никого не было.

Иссара спускалась, держась за стену. Живые лампы вдоль лестницы продолжали гореть, но между толчками теперь едва хватало времени сделать несколько шагов. Сверху донёсся грохот. По ступеням вслед за ней покатились обломки.

Вэран ждал у входа в глубинные пути. За ним уходила вниз освещённая галерея. Там, под дорогами и цистернами города, в древнем прочном камне было вырезано убежище.

Иссара добралась до последней площадки и остановилась перевести дыхание.

— Остальные?

— Прошли. Ты последняя.

Он посмотрел на её пустые руки.

— Летопись?

Иссара коснулась складки одежды.

— Здесь.

Над ними оставался виден узкий кусок неба. Красный свет почти исчез; сквозь пепел проступал тусклый край солнца.

Рядом с ним стояла тёмная точка.

Иссара сначала приняла её за обломок, летящий над площадью. Но пепел несло дальше, облака двигались, а точка оставалась на месте.

Она ждала, что та исчезнет.

— Вниз, — сказал Вэран.

— Что это?

Он поднял голову. Потом взял её за руку. За триста лет знакомства он ни разу этого не делал.

Иссара переступила порог. Вэран приложил ладонь к стене, и края прохода начали сходиться. Тёплая ткань живой двери затянула проём, оставив сначала щель, затем тонкую красную нить.

Нить погасла.

Некоторое время Иссара слышала только собственное дыхание и глухой грохот снаружи. Потом из глубины галереи донёсся знакомый голос: взрослый всё ещё успокаивал ребёнка.

Она нащупала кристалл сквозь одежду и пошла на голос.

Глава 1. Песок

К третьей неделе раскопок Глеб Северин знал, в котором часу тень от столовой палатки дойдёт до его стула. Стул он не передвигал: за пределами тени ждать было ещё хуже.

Глеб был биологом. Институт отправил его с археологической экспедицией в Западную пустыню Египта. Перед раскопками он должен был собрать образцы почвы и выяснить, какие организмы здесь обитают и как работы повлияют на местную среду. В институтском задании это называлось экологическим обследованием. В отчёте потом можно будет написать, что раскопки проводились с соблюдением всех требований.

Через три недели его каталог состоял из нескольких солеустойчивых бактерий, грибка, который жил на нижней стороне одного-единственного вида камней, и скорпиона, которого Глеб назвал Борисом, а потом, к сожалению, раздавил.

Его последнюю статью приняли без возражений и почти не цитировали. В институте ценили, что Северину можно отдать полевую работу и не напоминать о сроках. По возвращении его благодарили, забирали отчёт и снова забывали до следующей экспедиции. Он привык не задерживаться у двери начальника: если дело было закончено, разговору тоже полагалось закончиться.

В Москве оставались квартира с перекрытой водой и бывшая жена, которой он время от времени писал, что добрался. Она отвечала: «Хорошо». Он смотрел на это слово и не знал, какого другого ответа ждал. В пустыне было легче: здесь от него требовалось сделать определённую работу, и он её делал.

Поэтому, когда датчик грунта показал пустоту там, где должна была быть коренная порода, Глеб оказался единственным членом экспедиции, у кого не нашлось дела важнее. Он подошёл посмотреть.

Археолог Самир Хаддад, руководитель экспедиции, уже стоял на коленях в траншее.

Высокий, с узким загорелым лицом и сединой на висках, Хаддад обычно следил за расчисткой сверху и спускался, только когда рабочие находили что-то важное. За сорок лет работы в пустыне он научился не торопиться с выводами. Глеб видел, как он целый день очищал кисточкой один черепок. Теперь Хаддад даже не заметил, что его светлые брюки испачканы по колено.

Он прижал обе ладони к камню и замер.

— Ты почувствовал? — спросил он, не поднимая головы.

— Что почувствовал?

— Тепло. — Хаддад сел на пятки и посмотрел вверх. На лице его было выражение, которого Глеб раньше не видел: нечто среднее между голодом и страхом. — Камень. Здесь, внизу, он тёплый. А не должен быть. Мы на глубине девяти метров. Тут должно быть холоднее, чем на поверхности.

Он снова прижал ладонь к полу.

— Он теплее моей руки.

Глеб взялся за лестницу. У Хаддада дрожали пальцы; раньше он за ним этого не замечал. Спустившись, Глеб присел рядом и положил ладонь на дно.

Камень был тёплым.

Не тем глухим, накопленным теплом, которое камень сохраняет после целого дня под солнцем. Солнце не доставало сюда, на девять метров вниз. Это было другое тепло: низкое, ровное, будто внутри что-то работало. Глеб однажды чувствовал похожий камень у геотермального источника на Камчатке, где внутренняя печь планеты подходила к поверхности достаточно близко, чтобы кипятить воду.

На картах этого участка никаких источников не было. Он сам три недели заносил в журнал температуру почвы. Ни одно измерение не заставило его насторожиться.

— Может, тепло идёт из глубины? — предположил Глеб. — Я не геолог, но на Камчатке видел похожее.

— А это чем объяснишь? — Хаддад указал на расчищенный участок у своих ног.

За утро они расчистили около метра дна. На открытом участке, выметенном, очищенном кистями и отснятом, шла линия. Совершенно прямая. Оба её конца уходили под ещё не снятый песок, но там, где она была видна, линия казалась швом в камне: слишком прямым для трещины и слишком тонким для стыка.

И она слабо светилась.

Не отражала свет ламп — нет. В тёплом камне тянулась нить холодного синего сияния, как вена под кожей.

Со свечением живых организмов Глеб сталкивался. Светляки, некоторые грибы, глубоководные рыбы — у них свет возникал в результате химических реакций. Но здесь светилась ровная линия в камне.

Глеб заслонил линию ладонью от лампы. На пальцах остался слабый синий отблеск. Он передвинул руку; отблеск передвинулся вместе с ней.

* * *

Чтобы найти края, потребовалось два дня.

К концу второго дня они раскопали дверь.

Глеб упрямо называл её про себя дверью и тут же себя поправлял: слово «дверь» подразумевало здание, а здания здесь не было. В тёмной каменной стене, которую обнажили раскопки, виднелась плита высотой в два человеческих роста и шириной в полтора.

Но и плитой она не была.

У плит есть зерно, линии разлома, честная неровность высеченного камня. У этой — ничего. Поверхность была бесшовной и слегка изогнутой, как большой гладкий камень в реке. Глубокий серо-зелёный цвет чего-то, никогда не видевшего солнца. По всей поверхности тянулись холодные синие нити: ветвились, расходились и снова соединялись.

Изучать узор Хаддад позвал Люси — молодую француженку, специалиста по древним надписям. Она приехала искать письмена на черепках и погребальных плитах. Теперь целый день фотографировала дверь, то поднося объектив почти вплотную, то отходя к противоположной стенке траншеи. Светлые волосы выбивались из тугого хвоста; она нетерпеливо заправляла их за ухо и делала следующий снимок.

— Не получается выделить знаки, — сказала она вечером, раздражённо листая снимки при свете лампы. — Я целый день ищу повторения. Хоть одну последовательность, которая встретилась бы дважды. Посмотри: здесь ответвление идёт вправо, а вот на этом участке — уже другое.

Она повернула планшет к Глебу, словно он мог знать ответ. Он не знал.

— Это не текст. Скорее… — она поискала слово. — Скорее схема. Как будто внутренность чего-то.

Хаддад за эти два дня сильно притих. Он перестал отдавать распоряжения своим обычным лёгким тоном и начал говорить мягко — так говорят рядом со спящим зверем. Ещё Глеб заметил, что Хаддад перестал спать. Он сидел далеко за полночь со спутниковым телефоном в руке и никому не звонил. Когда Глеб спросил об этом, Хаддад ответил лишь, что раскопки финансируются спонсором, у спонсоров есть мнения, а есть люди, которых он обязан уведомить, но пока предпочитает этого не делать.

— Какой спонсор финансирует обследование в пустом секторе пустыни? — спросил Глеб.

— Терпеливый, — сказал Хаддад.

Глеб не стал давить. У него была своя проблема, и хуже всего было то, что она относилась к его области и не имела смысла.

Дверь была живой.

Тепло он ещё почти мог отнести к геологии — к какой-то глубинной конвекции, которую не понимал.

Утром второго дня он сделал то, ради чего его сюда прислали, — взял образец. Осторожно соскоблил материал с поверхности, надеясь найти биоплёнку, экстремофила, хоть что-нибудь, оправдывающее его присутствие. Лезвие оставило на тёмно-зелёной поверхности светлую царапину длиной с большой палец.

Глеб упаковал соскоб, подписал пакет и повернулся, чтобы сфотографировать царапину для отчёта.

Царапина стала короче.

Он сказал себе, что ошибся. Поставил по её краям две булавки — такими он отмечал почвенные участки, — снова сфотографировал с масштабом и ушёл обедать. Вернулся.

Канавка между булавками сомкнулась до тонкой бледной линии.

К вечеру исчезла и она.

Две булавки торчали в гладком тёмном камне на идиотском расстоянии в сантиметр друг от друга. Между ними больше не было царапины.

Он дошёл до палатки Хаддада и вернулся. Нужно было принести что-то, кроме двух фотографий и собственного изумления. Глеб взял соскоб с нового участка, записал время и сел перед дверью. Теперь он не уйдёт даже на обед.

Повреждение затянулось за четыре часа и одиннадцать минут.

Глеб сидел на перевёрнутом ящике и смотрел, как рана в камне закрывается. Он пропустил мгновение, когда перестал бояться и начал жалеть, что процесс заканчивается. Ему хотелось ещё раз провести лезвием по гладкой поверхности. Взять глубже. Узнать, до какого предела она способна восстанавливаться.

Он убрал лезвие.

Взятого материала хватало, но под микроскопом не оказалось ни клеток, ни следов деления — ничего, чем он мог бы объяснить увиденное. Гладкий аморфный минерал. Глеб возвращался к окуляру, менял освещение, снова искал структуру. За его спиной дверь затягивала последнюю светлую полоску.

Потом он понял, что воздух тоже неправильный.

Воздух у подножия двери был влажным. Едва заметно, но невозможно влажным — в месте, где относительная влажность в полдень измерялась однозначными числами. И пах он зеленью: прохладным сырым запахом погреба или глубокой пещеры.

Утром третьего дня в тени у двери, там, где собирался свет лампы, Глеб нашёл на камне бледное пятно размером с ладонь. Лишайник. Живой лишайник — мягкий, серый, с лёгким собственным свечением. Он рос на двери посреди сухой пустыни, питаясь влагой, которая приходила ниоткуда, в воздухе, который что-то выдыхало.

Глеб соскоблил лишайник в пробирку. На этикетке написал: «Биологический рост, in situ». От пера на последней букве осталась длинная черта: рука соскользнула.

Он прислушался к влажному воздуху у двери. Там, за плитой, что-то поддерживало жизнь. И три дня подряд отвечало на их присутствие.

* * *

На третью ночь после находки команда собралась в столовой палатке. Ветер швырял песок в брезент; лампа над столом покачивалась на подвесе.

Люси сидела напротив Глеба, положив рядом планшет со снимками. У входа устроился бригадир — коренастый мужчина с короткой седой бородой и потрескавшимися от работы ладонями. Он отвечал за расчистку траншеи. Рядом сидели двое рабочих из его бригады: худой

парень с песком в тёмных кудрях и мужчина постарше, всё ещё сжимавший снятую кепку. Оба молча слушали спор учёных.

— Самир, о находке нужно сообщить в институт. И приостановить раскопки, — сказал Глеб.

До этого вечера он ни разу не оспаривал решений Хаддада при остальных. Но теперь перед ним лежали фотографии царапины, исчезнувшей с поверхности двери, и он не собирался делать вид, что всё в порядке.

— Спутниковый телефон у тебя. Дай его мне, если сам не хочешь звонить. Я отправлю снимки и попрошу специалистов. До их приезда к двери никто не подойдёт.

— Никто не знает, что это такое, — сказал Хаддад. — Именно это и делает находку открытием века. Любого века.

— Ты говорил, здесь мёртвый камень. Я поверил и полез к нему с лезвием. Теперь на нём растёт лишайник. Завтра что будет?

Хаддад смотрел на снимки.

— Мне тоже хотелось узнать, сколько раз оно может зарасти, — признался Глеб. — Я едва не начал резать снова. Поэтому и прошу остановиться.

Глеб положил ладонь на снимки.

— Мы даже не установили, когда это построили. А ты хочешь открыть дверь сегодня ночью?

— По-моему, она уже открывается, — тихо сказал Хаддад.

В палатке стало тихо. Только песок шуршал по брезенту.

— Что это значит? — спросил Глеб.

Хаддад попросил у Люси планшет и открыл два снимка одного участка двери: сегодняшний и сделанный двумя днями раньше. Увеличил их до одинакового масштаба и повернул экран к Глебу.

— Люси сказала, что узор не повторяется, — сказал он. — Она права. Он не повторяется. Но он движется.

Он коснулся старого снимка, потом нового.

— Здесь. И здесь. Нити уже не на тех местах. За три дня они перестроились. Медленно. К центру.

Хаддад поднял глаза. Голод исчез с его лица. Остался только страх.

— Они сходятся. В одной точке. Посередине двери. Как будто…

Он остановился и заставил себя закончить:

— Как будто срабатывает механизм, который её открывает.

Снаружи ветер оборвался разом — так иногда случается в глубокой пустыне, когда весь мир замирает между порывами.

Во внезапной тишине Глеб снова почувствовал это. То самое, что он отказывался куда-либо записывать. Низкую ровную вибрацию, которую он замечал у траншеи ещё днём. Тогда он решил, что её вызывают генераторы.

Но генераторы на ночь отключили, чтобы экономить топливо.

А гул остался.

И был он не в ушах.

Он был в зубах. В длинных костях рук. Вибрация настолько низкая, что у неё не было звука — только присутствие. Она усиливалась с каждым днём раскопок, а теперь, в задержанном дыхании пустыни, стала такой явственной, что Глеб почувствовал: его собственный пульс пытается подстроиться под неё.

Он посмотрел на остальных.

Люси прижала ладонь к груди. Бригадир хмурился в пустоту. Один из рабочих подошёл к пологу и смотрел в сторону траншеи, над которой стояло слабое синее зарево.

— Вы это чувствуете? — спросил Глеб.

Голос его прозвучал неправильно. Тонко.

Он так и не услышал, ответили ли ему.

Земля сдвинулась.

Не дрожью — одним долгим оседанием, будто где-то далеко внизу нечто огромное и терпеливое перенесло вес.

Холодное зарево над траншеей вспыхнуло, разрослось, поднялось по нижней стороне летящего песка, пока на севере небо не залило густым синим светом.

Они выбежали вместе.

Глеб первым добрался до края траншеи и остановился. Остальные налетели сзади. Внизу, у подножия шахты, которую они три недели рыли в песке, дверь стояла открытой.

Её никто не открывал.

Синие нити сошлись посередине двери. Бесшовная плита просто разошлась по линии, которой минуту назад не существовало, и без пыли, без звука сложилась в камень по обе стороны — так расширяется зрачок в темноте.

За ней уходил вниз коридор, освещённый неизвестным источником. Из него тянуло прохладным воздухом с запахом сырой земли. Его стены были из того же бесшовного серо-зелёного материала, пронизанного теми же холодными синими линиями, и плавно изгибались вниз, в гладкое непрерывное горло.

Глеб искал глазами ступени, стыки кладки, хоть какое-то нарушение гладкости. Луч фонаря скользнул вниз и потерялся на изгибе. Стены прохода сходились с полом так плавно, что определить границу не удавалось.

При открытой двери гул стал отчётливее. Глеб сжал зубы, разжал — это ничего не изменило. Отклик шёл изнутри, по костям, словно под траншеей лежало второе, огромное тело, а его собственное было к нему приложено.

За его спиной Хаддад произнёс какое-то арабское слово. Очень тихо. Глеб не знал его значения. Так человек произносит имя.

Хаддад первым взялся за лестницу.

— Самир. Мы же говорили.

— Я только посмотрю вход.

Люси спустилась за ним, прижимая планшет к груди. Бригадир велел двум рабочим держаться рядом; те переглянулись и тоже пошли вниз. Глеб остался у лестницы. До палатки со спутниковым телефоном было меньше минуты ходьбы.

Внизу Хаддад уже стоял в проёме. Люси подняла планшет, и синий свет лёг ей на лицо. Глеб хотел окрикнуть их ещё раз, но вместо этого опустил ногу на верхнюю перекладину. Он скажет, что пошёл за ними, чтобы вернуть. Это будет не вся правда.

Он слишком хорошо помнил, как царапина затягивалась между двумя булавками.

У края траншеи он остановился — без причины, которую мог бы назвать, — и оглянулся на поверхность. На палатки, вздрагивающие под ветром. На тёмные генераторы. На обычные звёзды.

Он попытался вдохнуть поглубже, удержать сухой воздух, прежде чем войти туда, где пахло сырой землёй.

Потом спустился в синеву. Ветер снова поднялся и погнал песок по оставленным следам.

Глава 2. Зал

Коридор уходил вниз без ступеней.

Отсутствие ступеней тревожило Глеба сильнее, чем следовало. Он возвращался к этой детали, как язык возвращается к сколотому зубу: о ней хотя бы можно было думать, не пытаясь разом объяснить всё остальное.

Пол просто наклонялся — гладкий, сухой, едва тёплый под ногами. Спускался под углом, который не выбрал бы ни один человеческий строитель, потому что ни один человек не захотел бы идти по нему в темноте.

Но темно не было.

Стены хранили в себе холодную синеву — не на поверхности, а где-то в глубине, как свет живёт внутри льда. Этого сияния хватало, чтобы видеть дорогу. Стены изгибались. У них не было углов. Коридор выдыхал вверх прохладный погребной воздух, а Глеб, который три недели почти не находил здесь живого, снова и снова думал одну и ту же бесполезную мысль:

Что-то выдыхает.

Хаддад шёл впереди.

За ним — Люси с поднятым планшетом. Она снимала и непрерывно говорила по-французски, но Глеб перестал различать слова, когда в её голосе появилась дрожь. Следом шёл бригадир, потом двое рабочих. Глеб замыкал цепочку. Он ещё видел позади свет фонаря у входа и всякий раз, оборачиваясь, проверял, не скрылся ли он за изгибом.

Молодой рабочий поскользнулся. Глеб подхватил его за локоть, и тот несколько шагов шёл рядом, придерживаясь за него. Потом догнал бригадира. Никто не хотел оставаться последним.

По сторонам не открывалось ни одной погребальной камеры. Ни ниш, ни надписей. Под подошвами даже не похрустывал песок; тот, который они принесли на обуви, оставался редкими крупинками на чистом полу. Глеб остановился и посмотрел на эти крупинки. До них здесь никто не ходил — как давно? Кто поддерживал такую чистоту?

Хаддад продолжал спускаться. Его обещание посмотреть вход осталось наверху вместе с фонарём. Глеб вдруг ясно представил, как они все идут по чужому рабочему помещению, трогают незнакомые устройства, ждут, что им позволят уйти.

— Самир, — сказал он. Голос прозвучал плоско в заглушённом воздухе. — Нам надо вернуться.

— Ещё немного, — не оборачиваясь, ответил Хаддад. — Послушай меня. Ещё немного — и мы всё отметим, поднимемся обратно. Обещаю. Но посмотри, Глеб. Просто посмотри, внутри чего мы стоим.

Глеб посмотрел.

Заставил себя смотреть по-настоящему — той частью разума, которая измеряет и заносит в каталог, а не той, что хочет бежать. И от этого стало почти хуже, потому что измеряющая часть сообщила ему: стены не каменные.

Он решил, что это камень. У двери — решил, что это минерал, странный, аморфный, но всё же минерал. Здесь, где синее сияние стало ярче, он увидел структуру поверхности: тонкую, ветвящуюся, с повторяющимися ячейками. Как кость под линзой. Как внутренность осиного гнезда. Как коралл.

Глеб провёл светом вдоль ячеек. Они переходили одна в другую, меняли размер у изгиба стены; ни один ряд не был просто наложен поверх предыдущего. Так росла кость. Он представил это медленное нарастание вокруг пустого прохода — слой за слоем, изнутри — и убрал руку прежде, чем коснулся поверхности.

Гул рос весь спуск.

Глеб перестал притворяться, что это генераторы. Теперь он был в стенах, в полу и в его собственной груди — давление ниже звука. Где-то на последних метрах оно перешло черту и стало невыносимым, хотя громче не сделалось: слышать по-прежнему было нечего.

У него ныли коренные зубы. По краям зрения то темнело, то снова прояснялось — в такт давлению. Под грудиной его сердце начало, с ужасной покорностью, биться в ритм с чем-то в стенах. Замедляться. Устраиваться. Сцепляться с чужим пульсом, как два маятника на одной полке постепенно входят в один ход.

Глеб прижал ладонь к груди. Затем двумя пальцами нащупал пульс на шее. Он попытался считать удары отдельно от гула и не смог. На каждом следующем ударе ждал расхождения; оно не приходило.

Люси перестала говорить, но всё ещё шла. Он хотел спросить, что происходит с её сердцем, и испугался, что она ответит: ничего.

Глеба накрыло головокружительное ощущение: что бы ни тянулось здесь к поверхности, оно тянулось именно к нему. Что ритм нашёл в нём нечто, за что можно ухватиться, и теперь тянул — как магнит вытягивает единственный настоящий кусок железа из ящика с латунью.

Он отстал ещё на два шага. Давление не ослабло. Глеб остановился совсем, упёрся ладонью в стену — и тут же отнял её. Ощущение чужого внимания осталось при нём, хотя остальные уходили вперёд.

— Подождите.

На этот раз его не услышали.

Коридор раскрылся.

Раскрылся так же, как дверь: без церемонии. Стены просто выпустили их в пространство слишком огромное, чтобы оно могло помещаться под пустыней, по которой они ходили.

Глеб не видел дальнего края.

Синее сияние разбегалось по полу, который ступенями концентрических колец уходил к центру. Центр он не мог рассмотреть. Кольца были не пусты: на них стояли безмолвные ряды форм, которые взгляд отказывался собирать во что-то понятное. Башни из бледного, выращенного материала. Колонны, пронизанные движущимся светом. Конструкции, назначение которых было так же нечитаемо, как Люсина не-письменность, но каждая из них несомненно бодрствовала.

Под пустыней была выдолблена пустота, способная проглотить городок. Она молчала, как задержанное дыхание. Холодная синева спадала по кольцам к центру, на котором взгляд не держался — соскальзывал, как соскальзывает с солнца.

Воздух тоже изменился.

Здесь он стал холоднее, влажнее и двигался. Не сквозняком. Медленным, осмысленным круговоротом. Долгим ровным дыханием чего-то очень большого и очень терпеливого, дышавшего в этой темноте с тех времён, когда у их вида ещё не было имени для самого себя.

Когда команда вошла в зал, свет в конструкциях усилился.

Сначала ближе к центру.

Потом дальше.

Кольцо за кольцом вспыхивало наружу, к краям, как лицо светлеет, узнавая того, кто стоит у двери.

— Оно нас видит, — сказала Люси.

Планшет выпал у неё из рук. Она не подняла его.

— Глеб. Оно нас видит.

— Оно ничего не видит, — услышал Глеб собственный голос — голос человека, который держится за перила во время шторма. — Оно реагирует на тепло, движение, углекислый газ. Это система. Системы реагируют. Оно не…

Люси протянула к нему руку. Глеб шагнул навстречу, успел коснуться её пальцев.

Центр зала проснулся.

Давление, поднимавшееся по его костям весь спуск, разом заполнило голову и грудь. Глеб не понял, как оказался на полу. Пальцы Люси выскользнули из его руки.

Края зрения Глеба побелели и остались белыми.

Сквозь сужающийся тоннель того, что он ещё мог видеть, он заметил, как бригадир вскочил и бросился назад, к коридору.

Но коридора не было.

Стена за ними стала цельной.

Путь наружу зарос без звука. Дверь мира закрылась, как зрачок сужается на свету.

Рабочие кричали. Глеб видел их открытые рты. Он не слышал их — из-за тишины, что само по себе было невозможностью: рёв, состоящий только из давления.

Свет из центра поднимался по кольцам к ним — к тем, кто стоял, кто падал, кто уже был на коленях.

И там, где он достигал людей…

Глеб пытался доползти до Люси. Она лежала на боку, в двух шагах от него, и шевелила губами. Планшет светился у её колена. Он смотрел на её руку: дотянуться бы до руки, дальше они как-нибудь поднимутся.

Свет коснулся первого рабочего.

Человек был — и в следующее мгновение в зале стало на одного человека меньше.

Глеб отвёл взгляд лишь на мгновение. Когда снова повернулся к Люси, на полу остался планшет. Рука, к которой он тянулся, исчезла.

Бригадир пропал на полпути к двери, которой уже не существовало. Глеб искал глазами второго рабочего, но не мог вспомнить, где видел его в последний раз.

Хаддад стоял на коленях, подняв обе руки — не в жесте сдачи, а словно пытаясь заслониться от огромного сияния. Его рот снова складывал то тихое слово, то имя, которого Глеб не знал.

А потом место, где был Хаддад, стало пустым. Глеб остался один.

Свет пошёл дальше, через последнее кольцо — к Глебу.

Глеб подтянул колени к груди, закрывая живот, хотя уже видел, что это бесполезно. Свет приблизился медленно, коснулся его ботинок. Он ждал пустоты там, где только что были ноги.

Ноги остались.

Меня оно не сотрёт. Ему нужен я.

Эта мысль появилась целиком. Он не успел решить, его ли она.

Давление, всю дорогу охотившееся в его костях, нашло наконец то, что искало, и сомкнулось вокруг этого. Боли не было. Глеб чувствовал, как его читают.

Как нечто проходит сквозь него, словно рука — через ящик стола. Уверенно, быстро, окончательно. Сортирует. Находит в его крови то, о чём он никогда не знал и что носил в себе с рождения. И узнаёт.

Левое предплечье обожгло.

Глеб посмотрел вниз сквозь белеющий тоннель зрения и увидел, как под кожей поднимается знак: тонкие линии ветвились и сходились снова. Холодные синие нити двери проступали в его собственной плоти, как водяной знак на просвет. Они складывались в символ, которого он не мог прочесть — и никогда потом не сможет забыть, что однажды, на одно мгновение, понимал его полностью.

Понимание хлынуло в него, через него и прочь — быстрее, чем он мог удержать. Всё сразу. Вся форма происходящего: что спало здесь, как долго, зачем, каких слов ждало и что теперь узнало.

Стук инструмента в породе. Тёплая плита под ладонью Хаддада. Две булавки в зажившей поверхности. Всё, что они делали снаружи, здесь было замечено. Ритм поднялся по следу их работы и нашёл в Глебе то, о чём сам Глеб не знал. Нашёл раньше, чем ожидал.

Ему захотелось вспомнить Москву. Квартиру, окно, чьё-нибудь лицо. Он ещё помнил, что всё это было, но добраться до него уже не мог.

А когда белизна забрала последние остатки зрения, когда зал, кольца и его собственная поднятая рука растворились в сиянии без краёв, знание сжалось до твёрдого ядра. До нескольких слов, впечатанных в него, чтобы он вынес их наверх, в мир, хотя не будет помнить, как туда поднялся.

Наблюдатель пробудился.

Потом не осталось ни Глеба, ни зала, ни света, ни тьмы.

Только белизна.

И долгое тихое сортирование существа, у которого было всё время мира.

Глава 3. Образец

Когда Павел в третий раз потребовал эвакуировать институт, Адам Астафьев выключил переговорное устройство.

По другую сторону защитного стекла заместитель начальника департамента продолжал говорить. Адам поставил колбу в гнездо, проверил уплотнение и только тогда включил звук. Павел стоял у самого стекла, прижимая к груди папку. Галстук сбился набок, на редеющих седых волосах остался след шапки. Он добирался сюда через утренние пробки, чтобы распорядиться об эвакуации трёх этажей, и теперь ждал, когда его наконец услышат.

Адам работал генетиком в лаборатории биологических угроз. В свои тридцать шесть он выглядел старше: тёмные волосы уже седели на висках, под глазами залегли тени. Узкое лицо почти ничего не выражало, пока он слушал посетителя. Только пальцы в перчатке сжимались на краю рабочего стола.

Из папки торчала закладка на той странице, где Адам описал новый механизм устойчивости почвенной бактерии.

— Это почвенная бактерия, — сказал Адам по переговорному устройству. — Она устойчива к экспериментальному антибиотику. Нас интересует, как ей это удаётся. В отчёте нет вывода, что она опасна для людей.

— Там сказано: новый механизм резистентности.

— Устойчивости к препарату, — пояснил Адам. — Я написал этот отчёт. Слово «новый» относится к механизму. Оснований эвакуировать три этажа у нас нет.

Он закрыл шкаф и дождался, пока сработают замки.

— Если появится повод для тревоги, Павел, я сообщу. Сейчас дайте мне закончить работу.

Павел что-то дописал на полях отчёта. Адам смотрел, как ручка вдавливается в бумагу, и удержался от вопроса, кому предназначается эта заметка. Пусть сначала уйдёт. До конца смены нужно было освободить установку для коллег.

Позже Павел наверняка расскажет, что Астафьев снова разговаривал с ним как с пустым местом. Адам уже слышал подобное. Он умел не повышать голос; объяснять, почему иногда выключает звук, не умел.

Он снял перчатки, прошёл обработку и направился в комнату отдыха за кофе. У двери его окликнула Соня, коллега из лаборатории.

Невысокая, с короткими каштановыми волосами и прямой чёлкой, она обычно говорила быстро и по делу. Сейчас Соня стояла у двери, сжимая планшет обеими руками. Между бровями пролегла глубокая складка.

— Час назад доставили образцы, — сказала она. — Из Египта, по дипломатическому каналу. Пометка «биологическая угроза». Исследование поручено тебе.

— Нашей лаборатории?

— Лично тебе. В документах указано твоё имя.

Она развернула планшет.

— Адам, это странно.

Он взял планшет и начал читать.

На первой же странице он понял, что её встревожило.

В сопроводительных документах обычно фиксировали весь путь образца: кто его взял, кто упаковал, кому передал. С именами, датами и номерами пломб. Здесь первая запись была сделана всего двенадцать часов назад, уже во время перевозки. Кто собрал материал и где он хранился до отправки, указано не было.

Груз пересёк границу как дипломатический, но отправившее его посольство в документах не называлось. Вместо адреса стояли координаты в Западной пустыне Египта. Ниже — короткое описание:

человеческие и экологические образцы, место экспедиции, статус персонала неизвестен.

Вместо названия организации, заказавшей исследование, стоял незнакомый код. В графе «Рекомендуемый аналитик» — его полное имя с отчеством.

— Что такого нашли археологи, что образцы понадобилось отправлять нам? — спросил Адам.

— Не написано. Есть только примечание: изолировать материал и определить его свойства без огласки.

— И ни слова о том, что именно они считают опасным?

Соня покачала головой.

— Зато знают, кому поручить анализ.

— Без огласки, — повторил Адам.

Он вернулся к первой странице. Пустая графа отправителя, незнакомый код, собственное имя с отчеством — словно его часть работы была согласована давно, без него. Он поискал номер для уточнений. Номера не было.

— Кто принял?

— Дежурный. Вскрывать велели тебе.

Соня протянула руку за планшетом, но Адам ещё раз перечитал координаты.

Он вернул Соне планшет.

— Покажи, где груз.

* * *

Адам снова надел защитный костюм и вернулся в изолированную лабораторию. Соню попросил остаться снаружи.

Соня потянулась за вторым костюмом.

— Я сначала осмотрю упаковки, — сказал он.

— Вдвоём положено.

— Я помню. Останься у связи.

Она положила костюм обратно. Адам дождался, пока за ним закроется шлюз, и только тогда почувствовал облегчение. Пока Сони нет внутри, не нужно будет объяснять ей, отчего он так торопится к посылке без отправителя.

В контейнере лежали пробирки, герметичные упаковки с образцами тканей и пакет с минеральными соскобами. На нём аккуратным почерком было написано: «Г. Северин, экол. обследование». Рядом находилась отдельная пробирка с чем-то бледным и мягким. На её этикетке значилось: «Биологический рост, in situ» — найдено непосредственно на месте. Ещё внутри были карта памяти и жёсткий футляр размером с колоду карт. Футляр был опломбирован, но никак не подписан.

Адам повертел футляр, проверяя, нет ли маркировки на дне, и отложил его. Без описания содержимого вскрывать его не стоило. Сначала — соскобы: к ним хотя бы прилагались подпись и указание, где их взяли.

Он надеялся найти в них что-нибудь обычное. Бактерии. Грибок. Ошибку упаковки.

Адам поместил образец под микроскоп, посмотрел в окуляр — и задержал дыхание.

На первый взгляд образец напоминал минеральную крошку. Но внутри проходили тонкие ветвящиеся каналы. Они соединялись в упорядоченную сеть, больше похожую на строение ткани, чем на случайные трещины.

Адам искал знакомые признаки: клетки, споры, скопления бактерий. Ничего не находил. Материал выглядел так, словно его вырастили, но определить, что именно перед ним, он не мог.

Он повернул препарат. Каналы ушли вместе с ним, сохранив ветвления. Взял вторую крупицу, расколол её: сеть продолжалась в глубине. На другом конце лаборатории загорелся сигнал связи — Соня спрашивала, всё ли в порядке.

Адам показал ей поднятый большой палец. Потом понял, что ответил слишком поспешно.

Он закрыл препарат и взял карту памяти. На снимках могло быть видно место отбора образцов.

На карте были фотографии.

Траншея в пустыне.

В тёмной каменной стене виднелась дверь высотой в два человеческих роста. По ней тянулись синие линии. Адам приблизил снимок: линии ветвились и соединялись почти так же, как каналы в образце под микроскопом.

Дверь фотографировали несколько дней подряд. Адам стал переключаться между снимками, сверяя даты. Узор менялся: линии постепенно смещались к центру.

Последней шла фотография бумажки, добавленной, судя по всему, в спешке перед запечатыванием партии.

На ней было написано:

Не гробница. Оно работало.

Адам долго смотрел на эти слова.

Он вернулся к снимку двери. Узор казался знакомым, и теперь Адам понял почему.

Такие линии он видел в блокнотах отца.

* * *

Перед уходом Адам убрал образцы в защищённый шкаф и распечатал фотографию двери. До дома добрался поздно вечером. По дороге всё пытался вспомнить нужную страницу.

В квартире было темно и тихо. Он прошёл мимо кухни, даже не поставив чайник, и открыл шкаф в прихожей.

На нижней полке стояла коробка с отцовскими бумагами. Адам не трогал её одиннадцать месяцев, с похорон.

В. АСТАФЬЕВ — бумаги.

Он сам сделал эту надпись, когда разбирал отцовскую квартиру. Читать записи тогда было слишком тяжело; он лишь сложил бумаги и забрал коробку домой.

«Последние десять лет он публично ошибался», — сказал Адам после похорон коллеге, который неловко выразил соболезнование. Сказал, чтобы избавить того от необходимости выбирать слова. Теперь ему было стыдно за готовность, с которой эта фраза пришла тогда на язык.

Когда-то Виктор Астафьев был уважаемым историком и заведовал кафедрой. Потом начал выступать на конференциях с одной и той же теорией: задолго до появления людей на Земле существовала другая разумная цивилизация. Её следы сохранились, но находки намеренно скрывают.

Адам требовал доказательств. Отец показывал рисунки и говорил об источниках, которых не мог назвать. Для Адама этого было недостаточно.

Отец повторял фразу non primi sumus — мы не первые — до тех пор, пока коллеги в коридорах не начали произносить её вместо его имени.

После потери кафедры отец стал звонить чаще. У Адама шёл первый большой самостоятельный проект; на собеседованиях его уже спрашивали, не родственник ли он того самого Астафьева. Он отвечал коротко, не давая развить тему. Так же коротко отвечал отцу. Потом начал пропускать звонки. Ночью светящийся телефон можно было перевернуть экраном вниз, а утром сказать себе, что для разговора уже поздно.

Мать Адама умерла, когда ему было девять.

Когда отец начинал говорить о скрытых находках, Адам слышал в его голосе ту же настойчивость, с которой он когда-то пытался объяснить девятилетнему сыну смерть матери. Тогда объяснение ничего не исправило. Позже Адам решил, что отец и сам не справился с потерей, — и перестал вслушиваться в то, что тот действительно говорил.

Адам достал коробку, отнёс её на кухню и поставил на стол. Сел и открыл крышку.

Блокноты лежали почти сверху. Дюжина тетрадей в тканевых обложках, исписанных от края до края мелким, упорным отцовским почерком. И сквозь текст — на полях, между строками, иногда на отдельных страницах — шли рисунки.

Адам видел их сотни раз в детстве и перестал замечать, как перестают замечать обои.

Ветвящиеся линии.

Неповторяющиеся узоры.

Отец говорил, что копировал эти схемы с предметов, которые ему разрешали осмотреть, но не давали забрать.

Адам положил лабораторную фотографию рядом с раскрытым блокнотом: дверь из египетской пустыни — рядом с рисунком, сделанным отцом за годы до смерти.

Он сравнил одно разветвление, потом другое. Линии совпадали.

На сгибе страницы линии были стёрты. Адам осторожно расправил бумагу, поднёс к свету: отец продолжил рисунок у самого корешка, где неудобно писать. Один изгиб, ещё два ответвления. Всё совпадало.

Он взял телефон. Движение было таким привычным, что только с телефоном в руке он понял, кому собирался звонить.

Адам положил его рядом с блокнотом. До утра оставалось несколько часов. Он мог прочесть всё, что здесь было, найти даты, сопоставить рисунки — теперь мог. Отец почти год лежал на кладбище.

* * *

Позже Адам унёс блокнот в спальню и лёг в постель. Ещё какое-то время читал отцовские записи, а к четырём утра отложил блокнот рядом с подушкой и задремал. Разбудил его телефон.

Звонила Соня. Говорила негромко, с паузами, словно обдумывала каждую фразу.

— Есть выживший, — сказала она. — С раскопок. Один из них вернулся.

Адам уже сидел на кровати.

— Когда его нашли? В документах написано, что судьба участников экспедиции неизвестна.

— Он вышел из пустыни через шесть дней после того, как экспедиция перестала выходить на связь. Один, пешком, без припасов. О других пока ничего. Его изолировали и сейчас везут к нам. Адам, у него…

Она остановилась, подбирая слова.

— У него что-то под кожей. Я ещё не видела снимков. Сказали, что нужен наш специалист. И попросили никому не передавать его слова.

— Что он говорит?

На линии на секунду стало тихо.

Адам включил лампу. На раскрытой странице рядом с ним темнел отцовский рисунок.

— Одно и то же, — сказала Соня. — Снова и снова. Он говорит: Наблюдатель пробудился.

Соня помолчала.

— И говорит, что ключ уже среди нас. А потом спрашивает тебя. По имени.

Глава 4. Выживший

Глеба поместили в мобильный изолятор для пациентов с опасными инфекциями.

Адам уже видел такие модули: двойной шлюз на входе, отдельная система вентиляции и стеклянная перегородка, через которую врачи могли наблюдать за пациентом.

Изолятор без объяснений поставили в служебном дворе за военным госпиталем на кольцевой дороге. Люди, встретившие Адама у ворот, не носили знаков различия и не попросили документов. Значит, они уже точно знали, кто он.

Говорил один.

Лет сорок пять, хорошее пальто. Он не протянул руки и не назвал имени. Передал планшет с кратким отчётом и подождал, пока Адам прочтёт первую страницу. Когда тот попытался вернуться к началу, мужчина придержал пальцем край экрана.

— Дальше самое важное.

— Документов при нём не было, — сказал человек. — Мы знаем его только по спискам экспедиции. Глеб Северин, биолог, гражданин России. Был объявлен пропавшим вместе с остальной группой. Через шесть дней вышел к блокпосту в двухстах километрах от места раскопок. Пешком. Без воды. Без признаков обезвоживания и истощения, соответствующих такому переходу. Он не помнит своего имени. Не помнит экспедицию. По всем тестам перед нами здоровый мужчина тридцати с небольшим лет.

Мужчина помолчал.

— Ещё он умирает. Мы не знаем от чего. И хотели бы, чтобы вы посмотрели на него раньше, чем это случится.

— Я не врач, — сказал Адам.

— У нас есть врачи. Они занимаются им тридцать часов и ничего не понимают.

Теперь мужчина смотрел на Адама уже не так бесстрастно.

— Мы привезли вас из-за того, что у него под кожей. И потому что он спрашивает вас.

* * *

За стеклом Глеб Северин сидел на краю койки с раскрытыми ладонями на коленях, будто ждал, что ему что-то дадут.

Первая мысль Адама была профессиональной: ни одна знакомая ему болезнь не объясняла такого истощения. Лицо человека, выгоревшего до фитиля. Так бывает при голоде, терминальном раке, глубокой старости — только в карте значилось тридцать четыре года, а в остальном он выглядел на свой возраст.

Вторая мысль была о руке.

Узор поднимался по внутренней стороне левого предплечья и исчезал под рукавом больничной рубахи: тонкие линии, ветвящиеся и снова сходящиеся, цвета синяка, увиденного изнутри.

В затенённом сгибе локтя узор светился отчётливее.

Холодная синяя нить была уложена в плоть. Та же архитектура, что на стекле микроскопа. Та же, что на фотографиях двери. Только теперь она была размером с человеческую руку и находилась внутри человека, под целой, неповреждённой кожей.

— Подкожное, — сказала врач у плеча Адама.

Молодая женщина с усталым лицом, явно уже отказавшаяся удивляться.

— Входных ран нет. Рубцов нет. Татуировки нет. Инородного тела мы не видим: ни МРТ, ни УЗИ ничего не показывают. Узор виден глазом, но на снимках его нет. Вчера взяли пункционную биопсию.

Она помедлила.

— Отверстие закрылось за три часа. Узор вырос заново.

— Самовосстановление, — сказал Адам.

— У меня нет слова лучше.

Врач показала на предплечье Глеба: там, где брали ткань, не оставалось даже точки. Адам вспомнил страницы, лежавшие сейчас у него на кухне. Здесь, перед чужими людьми, он не хотел связывать с ними имя отца.

Он попросил защитный комплект. Медленно затянул манжеты, проверил застёжки. За стеклом Глеб не менял позы. У него ещё было время, пока Адам возился с перчатками; эта мысль заставила поторопиться.

Внутри воздух был мёртвым и ровным — таким бывает воздух после мощной фильтрации.

Глеб Северин поднял голову.

Его глаза нашли Адама — и остановились.

Глеб выпрямился. В лице, которое за стеклом казалось безучастным, проступило такое облегчение, что Адам невольно оглянулся: не вошёл ли вместе с ним кто-то ещё.

Никого. Глеб смотрел только на него. Адам попытался вспомнить конференции, общих знакомых, лица из институтских коридоров. На одно головокружительное мгновение ему показалось, что забыл их встречу он сам.

— Вы пришли, — сказал Глеб.

Голос был сухим, как шелуха.

— Я говорил им. Говорил, что вы придёте.

— Вы меня не знаете, — мягко сказал Адам. — Мы никогда не встречались. Меня зовут Адам Астафьев. Я здесь, чтобы помочь, если смогу.

— Знаю.

Глеб улыбнулся.

Улыбка была тёплой, уверенной. Глеб умирал и улыбался ему.

— Больше я ничего не знаю. Не знаю…

Он нахмурился. Улыбка дрогнула, словно он сунул руку в карман и обнаружил, что кармана нет.

— Не знаю собственного имени. Они сказали мне имя. Оно не кажется моим. За ним ничего нет. Вообще ни за чем ничего нет.

Он посмотрел на свои раскрытые ладони, как на чужие.

— Глеб Северин, — сказал Адам. — Вы биолог.

Глеб беззвучно повторил фамилию.

— На ваших образцах аккуратные подписи. Я получил их вчера.

Он надеялся, что хотя бы это поможет. Глеб посмотрел на пальцы, потёр большой об указательный, будто пытался удержать ручку.

— Я умею писать, — сказал он. — Мне давали бумагу. Любое слово могу. Только не знаю, что мне нужно написать.

Адам сел на стул рядом с койкой.

— Оно забрало всё. Всё, чем я был. И оставило…

Он поднял помеченную руку, повернул её так, чтобы холодные линии поймали свет.

— Оставило это. И оставило вас.

Адам хотел попросить его повернуть руку к свету. Вовремя остановился. Глеб уже опустил её и ждал ответа — любого ответа, который касался бы его самого.

Что сказать человеку, у которого осталось только собственное имя, сообщённое посторонними? Адам опустил планшет экраном вниз.

— Что забрало? — спросил он.

— То, что в глубине.

Глеб сказал это просто, как говорят о погоде.

— То, что ждало. Мы нашли его, и оно почувствовало, что мы рядом. Оно проснулось. Посмотрело на всех нас и…

Глеб положил ладонь на грудь.

— Оно стёрло всех остальных в зале. Они просто исчезли. А меня оставило в живых.

Страшная улыбка вернулась.

— Во мне оно что-то нашло. Что-то, о чём я не знал. И меня оно не стёрло. Оно пометило меня и отправило наверх. Передать сообщение.

Он наклонился вперёд.

Его рука сомкнулась на запястье Адама — с силой, которой не должно быть у умирающего.

Глаза Глеба были абсолютно ясными.

— Передать вам, что оно сказало?

Врач за стеклом придвинулась к переговорному устройству. Мужчина в пальто поднял руку, останавливая её. Адам видел это боковым зрением, но не мог отвести взгляда от Глеба.

— Да, — сказал Адам.

— Наблюдатель пробудился.

Глеб произнёс это так, как повторяют единственное, что сумели сохранить.

— И ключ уже среди вас.

Его хватка усилилась.

Он не отрывал взгляда от Адама. Следующие слова уже не были заученными: казалось, он сам узнаёт их, произнося.

Глаза его расширились — медленно, с ужасом узнавания.

— Это вы. Я раньше не понимал, я не… Но теперь, глядя на вас, я… Это вы. Вы…

Он не договорил.

Синий свет в его руке погас.

Адам видел это совсем близко. Позже он долго будет отказываться верить увиденному: холодные ветвящиеся линии потускнели все сразу, словно в электрической цепи отключили ток. Сияние стало синяком, синяк — тенью, тень — ничем. Узор исчез за две секунды.

Пальцы на запястье Адама разжались. Он успел подхватить Глеба под плечи и почувствовал весь его вес; до этого ему почему-то казалось, что истощённый человек должен весить меньше. Голова запрокинулась. Адам придержал её и уложил на койку. На губах ещё оставалась улыбка.

Сработали тревожные сигналы.

Врач уже была рядом с Глебом. Другие люди входили через шлюз — быстро, но без суеты. Адам ещё секунду стоял рядом, прежде чем уступить место врачам. Смотрел на голое предплечье мёртвого человека, где мгновение назад светилась структура, способная сама себя восстанавливать. Теперь там была только кожа.

Адам отступил к стене. Ему велели выйти, и он вышел, не сразу поняв, как открыть шлюз.

По ту сторону стекла врачи продолжали работать. На планшете, который он оставил у койки, светилось имя: Глеб Северин. Адам смотрел на него, пока врач не повернулась к мужчине в пальто и не покачала головой.

«Это вы».

Он попытался вспомнить, в какой именно момент Глеб перестал улыбаться. До этих слов или после. Теперь это почему-то казалось важным.

* * *

Мужчина в пальто, встретивший Адама у ворот, распорядился забрать тело. Двое санитаров подкатили к койке каталку.

— Подождите, — остановил их Адам. — Исследование поручили мне. Для анализа нужны кровь и ткань с того места, где была метка.

Он посмотрел на мужчину в пальто. Тот после короткой паузы кивнул санитарам, и они отошли от койки.

Адам сам взял три пробирки крови и образец ткани с предплечья Глеба, подписал их и убрал в контейнер.

Санитары переложили тело на каталку. Один из них поправил свесившуюся руку; Адам вдруг шагнул следом, хотя уже взял всё, что ему разрешили.

— Куда его?

Мужчина в пальто придержал дверь перед каталкой.

— Вам сообщат результаты.

Дверь закрылась. Адам посмотрел на подписанные пробирки. На каждой пришлось поместить только инициалы — полная фамилия не влезала.

Неприметный человек проводил его к воротам.

Над Москвой стояло оранжевое зарево от уличных фонарей. Адам держал контейнер обеими руками и чувствовал, как дрожат пальцы.

Мужчина протянул ему белую карточку. На ней был только номер телефона — ни имени, ни названия организации.

— Когда закончите анализ, наберите этот номер. По телефону ничего не обсуждайте и не называйте имён. С вами свяжутся и скажут, как передать результаты.

Адам убрал карточку в карман.

— До этого результаты никому не показывайте, — добавил мужчина. — О пациенте и о том, что произошло здесь, тоже никому ни слова.

— Он смотрел на меня так, будто знал, — сказал Адам.

Он не собирался произносить это вслух.

Мужчина несколько секунд смотрел на него, потом кивнул.

— Да. Смотрел. Теперь нужно выяснить почему. Вас отвезут в институт. Работать будете в своей лаборатории — всё необходимое оборудование там уже есть. С руководством согласовано.

Он открыл ворота. У чёрного седана стояли двое мужчин в тёмных куртках.

— Они поедут с вами. У лаборатории будет круглосуточный пост. Без нашего разрешения к образцам никого не допускайте. Выносить их из института запрещено.

— А я могу из него выходить? — спросил Адам.

— Можете. На отдых вас отвезут домой, потом привезут обратно. Образцы и рабочие материалы остаются в лаборатории.

— Это охрана или надзор?

— И то и другое, доктор Астафьев.

Мужчина посмотрел на контейнер в руках Адама.

— Вы не случайно здесь оказались. Мы знали раньше вас: это будете именно вы.

* * *

В институт Адама привезли в два часа ночи. Сопровождающие прошли с ним до лаборатории. Один остался у входа, второй связался с дежурным по зданию и потребовал ограничить доступ в коридор.

Адам убрал образцы в защищённый холодильник и взял одну пробирку для первого анализа. За стеклянной дверью был виден охранник. Тот не заглядывал в приборы и не задавал вопросов, но каждый раз поднимал голову, когда Адам подходил к выходу.

Адам запустил предварительный анализ крови Глеба Северина. Примерно через час он рассчитывал получить достаточно данных, чтобы понять, есть ли в образце что-нибудь необычное.

Он пил остывший кофе и следил за экраном. Первые данные ложились на эталонную человеческую последовательность без заметных расхождений. Ему хотелось найти известную

причину — редкую болезнь, нарушение обмена, хоть что-нибудь с названием. Записать в отчёте, от чего умер Глеб Северин, вместо того чтобы снова описывать погасший свет.

Затем программа выделила участок, который не удалось сопоставить с человеческой ДНК.

Адам открыл его отдельно. Это был длинный фрагмент между двумя генами. Он просмотрел данные по обе стороны от него: там снова шла обычная человеческая последовательность.

Первой мыслью было, что в пробирку попал посторонний материал. Такое могло случиться при заборе крови или подготовке образца. Но программа показывала, что неизвестный фрагмент был частью хромосомы Глеба. По краям он соединялся с человеческой ДНК, словно всегда находился на этом месте.

Адам открыл исходные данные и прошёл вдоль границы фрагмента. Затем снова проверил маркировку пробирки. За дверью охранник поднял голову: наверное, Адам слишком резко встал.

Он взял вторую порцию крови. Пока прибор работал, вернулся к журналу забора — время, место, номер. Всё совпадало. На запястье, которое сжимал Глеб, проступили красные следы.

Во второй пробе обнаружился тот же неизвестный участок ДНК — на том же месте.

Глава 5. Не человек

В графе «Источник» программа предлагала оставить номер образца. Адам всякий раз дописывал: «Глеб Северин».

Ему вспоминалось, как Глеб потёр пальцы, пытаясь понять, что он умел делать до пустыни. Писать умел. Собственное имя узнавал только с чужих слов. В журнале забора оно теперь сокращалось до двух букв, и Адам возвращал фамилию хотя бы в протоколы.

Два ночных анализа дали один результат. Следующие три дня Адам пытался его опровергнуть.

Сначала позвонил по номеру с карточки. Ответивший попросил ждать. Через несколько минут Адаму перезвонили и велели продолжать работу. За результатами обещали прислать человека.

Охранники у лаборатории сменялись, но пост не пустовал. Адам работал один. Когда уезжал отдохнуть, его везли служебной машиной. Сопровождающие ждали у подъезда и доставляли обратно в институт. Пробирки оставались в защищённом холодильнике.

Охранники не интересовались приборами, зато замечали каждого, кто останавливался у двери. Однажды Соня принесла кофе. Дежурный попросил её назвать фамилию.

— На пропуске, — ответила она.

Он дождался, пока она повернёт к нему карточку, и записал. Соня поставила стакан на край его стола. Адам вышел забрать кофе, когда она уже ушла.

Новая пробирка, другие реагенты, чистый контроль — неизвестная последовательность оставалась только в крови Глеба. Адам отложил версию загрязнения.

Дольше держалась надежда на ошибку сборки. Программа могла соединить чужую ДНК с человеческой. Он отключил автоматическое сопоставление и вернулся к данным прибора: граница слева, граница справа. Оба соединения подтверждались. Адам долго смотрел на них. После смерти узор исчез с руки Глеба; здесь, внутри хромосомы, никакого исчезновения не произошло.

Адам надеялся найти описание похожего случая. Возможно, он столкнулся с редким вариантом ДНК, который уже известен другим исследователям. Он сравнил находку с последовательностями из доступных ему баз. Работал с копиями, хранившимися на институтском сервере: загружать секретные данные на внешние сайты не решался.

Нашлись короткие совпадения с отдельными фрагментами. Но определить происхождение всего участка не удалось.

В строке заключения Адам начал писать «нечеловеческая». Остановился после третьей буквы. В базах не было совпадения; всё остальное пока принадлежало его страху и отцовским рисункам.

Он стёр начало слова. Написал: «Последовательность неизвестного происхождения». Ниже оставил пустое место. Когда за результатами придут, это придётся отдать вместе со всем остальным.

* * *

К концу третьего дня ему понадобилось мнение другого специалиста. В институте обратиться было не к кому: ему запретили обсуждать работу даже с ближайшими коллегами, а руководство согласилось с этим без объяснений.

Адам вспомнил об Анне Феррис.

Они вместе учились, потом несколько лет делали общие проекты. Анна была его ровесницей, носила короткую стрижку и снимала очки, когда хотела с кем-нибудь поспорить. Без очков ей приходилось придвигаться к собеседнику, так что избежать разговора становилось совсем трудно. Адам помнил, как она однажды сидела напротив него над распечаткой до закрытия

лаборатории: «Я не прошу признать, что ты неправ. Покажи, где права я». В тот вечер правой оказалась она. На следующий день принесла ему кофе, как будто ничего не случилось.

Теперь Анна руководила генетической группой в Берлине. Они переписывались редко. Последний раз Адам пообещал прислать ей статью и забыл.

Он открыл переписку. Анна давно прислала ссылку на свой доклад; он ответил одним словом и так и не посмотрел. Теперь собирался попросить её потратить ночь на его данные.

Адам приложил файл, затем убрал. За стеклом охранник допил кофе из своего стакана и поставил его на пол. Кого бы Адам ни позвал сюда, фамилию сначала запишут.

Адам убрал из копии имя Глеба, сведения об экспедиции и номера образцов. Оставил результаты измерений, необходимые для проверки. Убеждал себя, что без пояснений они не выдадут происхождение материала.

В окне отправки он ещё раз проверил вложение. Это было всё, что он сумел сделать; достаточно ли — выяснять сейчас не хотел. Он зашифровал файл и отправил его через личную переписку.

К файлу он добавил:

«Посмотри, пожалуйста. Несколько раз получаю один и тот же результат. Найди, где я ошибся. Данные конфиденциальные».

Ответ пришёл через несколько часов. В Берлине было три утра.

«Не вижу ошибки в обработке. Проверила другими программами — участок остаётся на месте, оба соединения подтверждаются. Подходящего совпадения в моих базах тоже нет. Для уверенности надо работать с самим образцом. Адам, откуда у тебя это?»

Адам заметил время ответа и представил её за столом, без очков, совсем близко к экрану. Она не написала ни «привет», ни «как ты». Сразу открыла файл. Облегчение почти сразу сменилось стыдом: именно на это он и рассчитывал.

Адам начал набирать ответ. Написал, что пока не может раскрыть источник, и остановился, заметив новое сообщение.

«Подожди. Кажется, я уже видела части этой последовательности».

Следом пришло ещё одно:

«Два года назад мы проверяли образцы здоровых детей. У нескольких нашлись короткие участки, которые не удалось определить. Мы решили, что это ошибка анализа. Я сейчас подняла старые результаты: некоторые фрагменты совпадают с твоими. Прикрепляю обезличенные данные. Сейчас позвоню».

Адам открыл вложение и сравнил последовательности. Совпадения были видны сразу.

Если Анна права, неизвестная ДНК встречалась у людей задолго до египетской экспедиции. Глеб мог носить её ещё до того, как вошёл в подземный зал.

Он набрал: «Не звони. Я приеду».

Посмотрел на охранника за дверью и стёр последнюю фразу. Уехать в Берлин сейчас он не мог. И он всё ещё не решался рассказать ей о Глебе и людях из госпиталя.

«Не звони. Сохрани результаты и пока никому их не показывай. Будь осторожна, А.»

Внизу появилось «доставлено». Адам начал ещё одно сообщение: «Прости, что втянул». Посмотрел на него и стёр. Оно требовало объяснения, а объяснять он всё ещё боялся.

* * *

На следующее утро охранник попросил Адама пройти в небольшую переговорную рядом с лабораторией. За столом сидел мужчина из госпиталя. Пальто висело на спинке соседнего стула.

— Садитесь, доктор Астафьев.

Он положил перед Адамом распечатку. Наверху стояло имя Анны Феррис. Ниже — его собственное сообщение: «Посмотри, пожалуйста. Несколько раз получаю один и тот же результат. Найди, где я ошибся».

Адам узнал текст, прежде чем дочитал.

— Я просил никому не передавать результаты, — сказал мужчина.

— Мне требовалась независимая проверка.

— Поэтому вы отправили данные Анне Феррис. В Берлин. Без согласования.

— Там не было ни имени пациента, ни сведений об экспедиции.

— Там были результаты исследования, которое вам поручили. Вы отправили их человеку, не имеющему к нему отношения. В другую страну.

Адам посмотрел на распечатку.

— Откуда у вас это?

— С вашего рабочего компьютера. Сообщение было зафиксировано до шифрования. Вы работаете в институте, доктор, а не у себя дома.

Мужчина расправил загнувшийся край бумаги. Адам видел свою подпись под сообщением и слово «конфиденциальные». Утром оно выглядело почти непристойно.

— Вы понимаете, что вам могут предъявить обвинение в государственной измене?

— За просьбу проверить анализ?

— За передачу данных, которые вам прямо запретили передавать.

— Тогда почему я ещё здесь?

— Потому что ваше исследование ещё не закончено.

Мужчина придвинул распечатку к себе.

— Продолжайте работу. Приборы и результаты останутся в вашем распоряжении. Внешнее подключение компьютера отключат. Сопроводительные документы на образцы вам больше недоступны. Если понадобится другой специалист, сначала сообщите мне.

— А Анна?

— Что Анна?

— Она не знала, откуда эти данные. Я ничего ей не объяснял.

— Значит, вы поставили её в положение, о котором она даже не подозревала.

— С ней что-нибудь случится?

Мужчина собрал бумаги и встал.

— Больше не вовлекайте в это других людей, доктор Астафьев.

— Подождите.

Дверь уже закрывалась. Адам встал, но охранник, стоявший снаружи, шагнул в проём.

— Вам в лабораторию.

Вернувшись в лабораторию, он проверил компьютер. Программы работали, результаты открывались. Внешнего подключения уже не было, а запись о египетской партии больше не находилась через поиск.

В служебной почте лежало распоряжение директора: продолжать исследование, соблюдать ограничения, все вопросы о привлечении других сотрудников согласовывать с представителем, поручившим работу. Охрана и сопровождение сохранялись.

Адам закрыл письмо. Человек, угрожавший ему уголовным делом, так и не назвал своего имени.

Он вышел к посту и сказал, что идёт за кофе. Охранник посмотрел на его пустые руки и пропустил.

В комнате отдыха его ждала Соня. Она посмотрела в сторону коридора и заговорила вполголоса:

— Вчера приходили ещё двое. Не те, что сидят у твоей двери. Спрашивали, делал ли ты копии и обсуждал ли с кем-нибудь образцы.

— Что ты им сказала?

— Что ты работаешь один и ничего мне не рассказываешь. Они потом спросили, где бумаги твоего отца. В институте или дома.

Адам замер.

— Они так и сказали — моего отца?

— Виктора Астафьева. Назвали полное имя. Адам, что происходит?

— Я пока не знаю.

— Ты хотя бы понимаешь, кто поставил охрану у нашей лаборатории?

Он покачал головой.

— Если придут ещё раз, позови меня.

— Чтобы ты опять сказал, что не знаешь?

Соня отвернулась к кофеварке. Адам постоял рядом. Раньше её раздражение было простым и привычным: не подписал журнал, занял прибор, забыл предупредить. Теперь он не знал, как это исправить.

После обеда Адам открыл на телефоне переписку с Анной. Новых сообщений не было. Последним оставалось его собственное: «Будь осторожна, А.».

Он хотел спросить, всё ли у неё в порядке, но так и не решился написать. Утром ему показали копию их переписки. Он не знал, следят ли теперь и за Анной, и боялся навредить ей новым сообщением.

Он открыл её короткий ответ о детских образцах. В нём оставалось «Сейчас позвоню». Она тогда ещё собиралась просто поговорить с ним.

Адам вспомнил слова мужчины у госпиталя:

«Мы знали раньше вас: это будете именно вы».

Адам убрал телефон. На рабочем экране по-прежнему не находилась запись о египетской партии. Он вводил известный номер и получал пустое поле. Точно так же могли исчезнуть результаты. А дома на столе лежали блокноты, о которых эти люди уже спрашивали.

Копии анализов у него были. Одну он держал на рабочем накопителе в запертом ящике стола. Вторую начал сохранять ещё в первую ночь и с тех пор обновлял. Этот накопитель он спрятал в запечатанной пробирке в старом лабораторном морозильнике. Он не знал, удалили сопроводительные документы или просто скрыли их от него. Ждать, пока исчезнет и доступ к результатам, не хотел.

* * *

Вечером Адам попросил отвезти его домой. Сопровождающие остались в машине у подъезда. Он поднялся в квартиру, сел за кухонный стол и разложил отцовские блокноты.

В первый раз он искал знакомый рисунок. Теперь читал записи подряд: даты, названия мест, ссылки на книги, фамилии людей, с которыми встречался Виктор. Отец возвращался к одним и тем же находкам, сверял описания, отмечал расхождения. На полях перечёркивал собственные предположения и писал новые вопросы.

Адам остановился на странице, где почти половина текста была зачёркнута.

Под зачёркнутым стояло: «Не подтверждается. Уточнить у него». В следующей тетради отец снова возвращался к той же записи, уже с другой датой. Адам прижал страницу ладонью. Тот Виктор, с которым он спорил по телефону, никогда не признавал ошибки. Этот сидел над ней неделями.

Адам начал выписывать исправления отдельно. Через полчаса лист был заполнен. Он вспомнил, как отец однажды просил приехать и посмотреть бумаги; тогда Адам ответил, что не собирается снова обсуждать одно и то же.

Адам перевернул страницу. Снова ветвящиеся линии — такие же, как на фотографии двери и на руке Глеба. Судя по дате под рисунком, Виктор сделал его за много лет до нынешней экспедиции.

Человек, умерший в изоляторе, был связан с находкой в пустыне. Записи отца тоже. Но какое отношение к этому имела неизвестная ДНК, Адам пока не понимал.

Он продолжал читать, пока не зазвонил телефон. Сопровождающий спрашивал, останется ли он дома до утра.

— Нет. Я вернусь в институт.

Адам оставил блокноты на столе и спустился к машине.

* * *

У лаборатории уже дежурила новая смена. Адам закрыл за собой дверь и открыл результаты Глеба рядом с файлом Анны. Короткие совпадения у здоровых детей. Длинный неизвестный участок у Глеба. Ему нужен был ещё один человеческий образец для сравнения.

Он посмотрел на дверь. Запрос придётся согласовывать с человеком, который держал в руках их переписку. Соню он просить не станет.

Адам взял стерильный тампон.

Ещё студентом Адам не раз исследовал отдельные участки своего генома. Ни одного необычного результата тогда не получил. Этого оказалось достаточно, чтобы сейчас считать себя подходящим образцом для сравнения.

Он взял мазок с внутренней стороны щеки, подготовил пробу и подписал её. Рядом поставил пробирку с оставшейся кровью Глеба.

Адам запустил анализ. На экране появились два имени: Глеб Северин и Адам Астафьев. Собственная фамилия рядом с фамилией умершего неприятно задержала взгляд; он свернул окно.

До завершения оставалось несколько часов. Он лёг на кушетку в углу лаборатории и почти сразу уснул.

Ему снился город у моря. Над бледными башнями стояло тёмно-красное небо. Башни были неровными, с плавными изгибами стен, словно выросли из земли. Где-то внизу гудело; низкий звук отдавался в зубах.

Адам никогда не видел этого города. И всё же во сне знал, что кто-то ждёт его здесь.

Он проснулся весь в поту. Несколько секунд не мог понять, где находится, потом услышал ровный шум прибора. В коридоре за стеклом сидел охранник и читал что-то в телефоне.

Адам закрыл глаза. Когда он снова уснул, перед ним опять было красное небо.

Глава 6. Метка

Адам проснулся на лабораторной кушетке незадолго до окончания анализа. За окном светало. Он несколько секунд смотрел на потолок, вспоминая сон: море, светлые башни, красное небо. Потом сел и проверил время на экране прибора.

Оставалось двадцать минут.

Кофеварка в комнате отдыха ещё не работала. Адам налил воду в чайник и дождался щелчка, глядя в окно. На мокром асфальте краснели отражения фонарей. Сны обычно забывались после пробуждения; этот держался, и знакомый двор на несколько секунд показался тесным, неправильно устроенным.

Адам вернулся к прибору. Он уже исследовал собственную ДНК — студентом, позже при отработке новых методов. Нужного теперь участка в тех работах не было, но своё имя в списке проб по-прежнему означало для него надёжный материал для сравнения.

Когда анализ закончился, Адам налил кофе и сел за компьютер. Слева открыл результаты Глеба, справа — свои. Выбрал нужную хромосому и увеличил участок между двумя генами.

Сначала ему показалось, что он дважды открыл один файл.

В его образце тоже была неизвестная последовательность.

Адам сверил названия файлов, номера пробирок и время запуска. Затем проверил участки, по которым можно было различить образцы. Подмены не было: справа действительно находилась его ДНК.

Последовательности совпадали не целиком. У Глеба неизвестный участок был длиннее, но значительная его часть повторялась у Адама. По обе стороны от неё шли обычные человеческие гены.

Он отодвинул чашку, чтобы не задеть её рукой, и снова посмотрел на экран.

Затем нашёл границу фрагмента, которую за последние дни выучил почти наизусть. Провёл по ней курсором. Та же последовательность в собственном образце выглядела иначе, хотя буквы оставались теми же.

Глеб сказал: «Это вы». Адам закрыл его файл. На экране осталась только правая половина — и стало хуже.

Он посмотрел на свою левую руку. Обычная кожа, несколько мелких царапин у костяшек. Ничего похожего на то, что было у Глеба.

За дверью заговорили охранники. Начиналась утренняя смена. Адам прислушался, хотя слов было не разобрать, и убрал с экрана собственное имя.

* * *

Он взял второй мазок. На этот раз прижал тампон слишком сильно, и десна заболела. Подготовил свежие реактивы, чистый контроль и перенёс проверку на другой прибор. Только нужный участок — ждать полного анализа больше не мог.

Пока установка набирала режим, Адам встал перед тёмным стеклом шкафа. Поднял рукав и повернул руку так, как поворачивал её Глеб. Кожа оставалась обычной. Он повторил движение и со злостью одёрнул рукав.

Адам пытался составить отчёт о Глебе. Несколько раз возвращался к одному абзацу, менял слова и в конце закрыл документ. Ему всё время хотелось проверить, сколько осталось ждать.

К середине дня пришло подтверждение. Контрольная проба была чистой. В новом образце Адама обнаружился тот же участок, на том же месте.

Адам убрал обе пробы в холодильник. На первой была его фамилия, на второй только номер: он написал его, когда охранник подошёл к стеклу. Теперь дописывать имя не стал.

Адам сохранил новые результаты в обеих копиях: на накопителе в ящике стола и на том, который прятал в старом морозильнике.

Он представил, как человек из госпиталя читает эти результаты. Тот, вероятно, не отодвинет чашку дрожащей рукой. Заранее выбрал специалиста, организовал встречу с Глебом. Возможно, и этот фрагмент для него не будет новостью.

Адам открыл список прежних медицинских обследований в памяти телефона. Ничего, что объясняло бы такой доступ к его ДНК. Но он и не знал, что именно ищет: дату, клинику, чужую подпись?

Он открыл файл, присланный Анной. У детей совпадали лишь короткие отрезки неизвестной последовательности. У него совпадение было гораздо длиннее. Адам поставил данные рядом. У него было больше, чем у детей; у Глеба — ещё больше. Он несколько раз менял масштаб, словно длина могла подсказать, что теперь с ним будет.

Адам завёл новую запись. В первой строке написал: «Проверить происхождение».

Ниже написал два имени: Виктор, Марина. Для сравнения нужны были их образцы либо старая проба самого Адама — до Египта, до встречи с Глебом. Отец умер одиннадцать месяцев назад. Мать — двадцать семь лет назад, когда ему было девять.

Адам обвёл имена, но список на этом закончился. Даже если где-то сохранились медицинские материалы, искать их вслепую, через официальные запросы, он сейчас не мог.

Зато дома оставались отцовские записи. И люди, приходившие в институт, уже спрашивали о них Соню.

Адам закрыл файл и вышел к охраннику.

— Мне нужно домой. Попросите подать машину.

* * *

Сопровождающие высадили его у подъезда и остались ждать. На этот раз, прежде чем войти в квартиру, Адам осмотрел замок. Видимых повреждений не было.

Блокноты лежали на кухонном столе, где он оставил их накануне вечером. Он снял куртку, сел и раскрыл тетрадь с рисунками.

Раньше его занимало сходство отцовских знаков с узором на руке Глеба и на фотографиях из Египта. Теперь он искал подписи: всё, что могло объяснить связь этих знаков с людьми.

На одной из страниц под рисунком стояло:

«Метка хранителей. Передаётся по наследству. Проявляется не у всех».

Ниже, другим карандашом, отец дописал:

«То, что видно на коже, — лишь внешний признак?»

Знак вопроса был вдавлен так сильно, что отпечатался на следующей странице. Адам провёл по нему пальцем. Хотелось найти готовое утверждение, а отец оставил ему ещё один вопрос.

Дальше шли похожие знаки, выписки и даты. На полях несколько раз повторялось: «В крови». Внизу страницы была знакомая латинская фраза: Non primi sumus. Мы не первые.

Он положил возле тетради лист с выписанными длинами фрагментов. Бумаги никак не соединялись: отцовские знаки, лабораторные числа. Единственным местом, где они могли сойтись, пока оставалось его собственное тело.

Он перелистнул несколько страниц и увидел номер телефона, обведённый дважды. Рядом отец написал: «Позвонить А.».

Номер был старый, ещё до смены оператора. Отец обвёл его, потом зачеркнул одну цифру и исправил. Адам вспомнил паузу в начале их разговоров: Виктор всегда ждал, пока сын скажет, удобно ли ему. Позже Адам принимал эту паузу за возможность сразу закончить звонок.

Он попытался вспомнить не последний разговор — тот помнил слишком хорошо, — а обычный. Про погоду, покупку лампы, что угодно. Отец должен был говорить с ним и об этом. Сейчас в памяти оставались только ссоры.

Адам потёр глаза, вернулся к странице. Старый номер плыл перед ним.

— Надо было приехать, — сказал он тихо.

Он ещё посидел, глядя на пометку о звонке. Потом придвинул следующую тетрадь.

* * *

К вечеру Адам разобрал почти всю коробку. Несколько блокнотов он отложил отдельно: в них чаще всего встречались упоминания наследственности и человека, с которым отец обсуждал свои находки. Имени этого человека в записях не было.

Адам собирался забрать блокноты с собой. После вопросов, которые задавали Соне, оставлять их в пустой квартире не хотелось. Возвращаться с ними в лабораторию он тоже не собирался. Пока он думал, где можно спокойно продолжить чтение, из последней тетради выпал сложенный лист.

На плотной бумаге шли ряды мелких ветвящихся знаков. Такие же он видел среди рисунков, но здесь они располагались ровными строками, с промежутками между группами.

Адам развернул лист и поднёс к лампе.

В верхнем углу отец изобразил четыре простых знака. Рядом с каждым поставил букву: А, Т, Г, Ц. Так обозначались четыре основания, из которых состоит ДНК.

Он снова посмотрел на строки. Сложные на первый взгляд символы складывались из тех же четырёх элементов, собранных по три.

Адам заменил первые знаки буквами. Получилась последовательность, похожая на запись ДНК, но из неё нельзя было прочесть слова. Он перевернул лист. На обороте отец начертил таблицу: каждой тройке соответствовала русская буква или знак препинания.

Адам потянул к себе тетрадь, чтобы сравнить остальные рисунки. До этой минуты лист был одним из них. Теперь четыре буквы в углу выглядели прямым обращением к нему: отец рассчитывал, что генетик остановится здесь, а чужой человек перелистнёт.

В одном столбце отец перепутал две тройки, зачеркнул и исправил. Адам сразу заметил ошибку — привычно, почти с удовольствием. Потом увидел рядом маленькую пометку: «Проверить ещё раз». Он опустил голову к листу.

Первые расшифрованные слова были: «Адам, если ты нашёл это письмо…»

Он остановился. Проверил их ещё раз, хотя ошибки быть не могло. Затем продолжил, переводя по одной группе знаков. Несколько раз сбивался, возвращался к началу строки. Когда руки начинали дрожать, клал ручку и ждал.

На расшифровку ушло больше часа. За окном уже стемнело.

Адам перечитал получившийся текст целиком.

«Адам, если ты нашёл это письмо и решил его прочитать, значит, у тебя появились вопросы. Мне жаль, что ответить на них я смогу только так.

Я боялся, что люди, которые следят за моей работой, доберутся до тебя. Поэтому многого не рассказывал. Думал, пока ты не веришь мне и держишься в стороне, тебя не тронут. Теперь не уверен, что это тебя защитит.

Тебе придётся узнать о себе вещи, к которым я не сумел тебя подготовить. О твоей матери тоже. Я рассказал тебе о ней то, что знал сам. Позднее выяснилось, что мне солгали. Я искал правду много лет, но так и не узнал всего.

Если кто-нибудь предложит объяснить, что с тобой происходит, не спеши доверять. Сначала найди человека, который научил меня писать этими знаками. Он помогал мне почти сорок лет. За всё это время ни разу ничего не попросил взамен.

Я не оставлю здесь его адреса. У него нет места, где он мог бы спокойно жить. Но в моих записях есть то, что поможет тебе его найти.

В детстве ты говорил о нём во сне. Я слышал имя, хотя ты ещё не умел читать. Ниже я записал его так, как он показал мне сам».

Адам ещё раз прочёл строки о матери.

Он помнил мать сам — меньше, чем хотел, но помнил. Её голос из другой комнаты; руку, поправляющую ему воротник. Позднее к этому присоединились рассказы отца, и теперь он не всегда мог отделить одно от другого.

«Мне солгали».

Кто? О чём? О том, как она умерла, или о том, как жила? Адам перевернул расшифровку, хотя знал, что на обороте пусто. На час он стал писцом отца и успел забыть, что других строк ему не продиктуют.

Под последней строкой стояла отдельная группа знаков. Адам попробовал разобрать её по таблице, но ничего не получилось. Здесь отец оставил настоящее написание имени, без своего шифра.

Адам поднёс лист ближе. Один из знаков показался знакомым.

Перед глазами на мгновение возникла каменная стена. На ней были те же линии, а за широким проёмом виднелось красное небо. Адам даже вспомнил, как во сне тянулся к стене рукой, пытаясь достать до надписи.

Он отложил лист.

Этого не было в сегодняшнем сне. Там он стоял у моря и смотрел на город. Стену он видел раньше — очень давно, ещё ребёнком.

До сих пор он об этом не помнил.

С улицы донёсся хлопок автомобильной дверцы. Адам подошёл к окну. Оба сопровождающих вышли из машины. Один говорил по телефону, другой уже открывал дверь подъезда.

Телефон Адама завибрировал. На экране высветился номер водителя.

До этого сопровождающие всегда ждали внизу. Теперь они поднимались к нему вдвоём, не дожидаясь ответа.

В прихожей был виден замок. Адам представил чужие руки над раскрытыми тетрадями, письмо среди них. Телефон продолжал вибрировать на столе.

Он убрал письмо и расшифровку между страницами тетради, сложил отобранные блокноты в рюкзак. Взял куртку, телефон, ключи и бумажник.

В конце коридора квартиры была вторая дверь — на старую служебную лестницу. Адам отпер её и вышел. Пока запирал за собой, услышал, как в парадном подъезде остановился лифт.

Он спустился к запасному выходу. Тот вёл в задний двор, откуда через арку можно было пройти на соседнюю улицу.

На улице Адам не остановился. Телефон снова зазвонил в кармане. Он отключил звук и пошёл к перекрёстку, прижимая лямку тяжёлого рюкзака.

У перекрёстка он замедлил шаг. В одном направлении был институт, в другом — ещё несколько улиц, где его никто не ждал. Адам пошёл туда.

Глава 7. Цепочка хранения

На первой остановке Адам сел в трамвай. Водитель звонил ещё дважды. Затем на экране появилось сообщение: «Где вы? Нам нужно вернуться в институт».

Адам не ответил.

На следующей остановке вошла женщина с пакетом. Адам смотрел на неё слишком долго; она пересела. В стекле отражалась его собственная фигура: расстёгнутая куртка, рюкзак на коленях. На человека, которого преследуют, он не был похож. На человека, который пугает других, — уже да.

Перед выходом Адам положил телефон на сиденье и дождался, пока двери начнут закрываться. В последний миг протянул руку обратно, но створки уже сошлись. Экран ещё светился за стеклом.

Вместе с ним уезжала переписка с Анной. Адам посмотрел вслед трамваю, затем полез в бумажник: наличных едва хватало на ужин и такси.

Он снял деньги в ближайшем банкомате. Пока аппарат считал купюры, Адам смотрел в глазок камеры. Можно было ещё отменить операцию. Он дождался денег и ушёл без чека.

По дороге перебрал знакомых, которым мог бы позвонить с чужого телефона. На каждом имени останавливался: придётся объяснять, почему пришёл. А потом, возможно, к ним придут другие люди.

Ночь он провёл в круглосуточном кафе. Рюкзак стоял между ног; всякий раз, задрёмывая, Адам сжимал коленями его бока и просыпался. Соседние столы занимали, освобождали, вытирали. Его стол оставался нетронутым. Под утро официантка попросила что-нибудь заказать.

— Я уже… — начал он и посмотрел на пустой чайник.

— Это было четыре часа назад.

Он заказал ещё чай. Официантка забрала чашку, словно вместе с ней можно было убрать и его.

На следующий день он заметил у ворот шиномонтажа на восточной окраине Москвы объявление: «Сдаётся комната». Адам позвал рабочего и попросил показать, к кому обратиться.

Хозяин, плотный седой мужчина в свитере с прожжённым рукавом, провёл его по наружной металлической лестнице. В комнате стояли кровать, стол и электрический чайник. Окно выходило на задний двор с навесом для шин.

— На неделю, — сказал хозяин. — Внизу работают с восьми. По утрам шумно.

— Андрей, — сказал Адам прежде, чем его спросили.

Хозяин пересчитал плату за неделю, отдал ключ и напомнил про шум. Фамилия его не заинтересовала. Адам смотрел, как он спускается, придерживаясь за холодные перила, и чувствовал нелепую благодарность: человек взял деньги и дал комнату. Больше пока ничего не потребовал.

Адам запер дверь, поставил рюкзак на стол и наконец лёг. Уснул почти сразу.

* * *

Два дня Адам выписывал даты и упоминания посетителя. В восемь под полом запускали компрессор; листы мелко дрожали на столе. К вечеру шум прекращался, и становилось слышно, как скрипит кровать, когда он меняет позу.

Он пытался восстановить по памяти границы неизвестного участка ДНК и каждый раз оставлял пробел. Рядом ложился отцовский рисунок, потом ещё один. Сопоставлять было нечего: анализы Глеба, собственные проверки, файлы Анны и фотографии из Египта остались в институте.

Адам дважды собрал рюкзак и дважды разобрал. На третью ночь оставил тетради на столе, вырвал только лист с незаполненной последовательностью и положил в карман.

У института он долго стоял через дорогу. Охранник за стеклом сидел на обычном месте, въезд во двор был закрыт. На верхнем этаже горело окно комнаты отдыха. Кто-то работал обычную ночную смену.

Адам коснулся сложенного листа в кармане. В другую лабораторию с этим не придёшь. Потребуются образцы, документы, объяснение, откуда взялись данные. Здесь всё это было — вместе с людьми, от которых он ушёл. Он мог предложить им продолжить работу. За остальное придётся торговаться.

Он перешёл дорогу и приложил пропуск к считывателю. Загорелся красный индикатор.

Охранник поднял голову.

— Астафьев?

Адам кивнул.

— Пропуск сюда. Оставайтесь на месте.

Охранник кому-то позвонил. Через несколько минут из внутреннего коридора вышли двое. Один попросил Адама открыть рюкзак, второй остался у входной двери.

Рюкзак осмотрели и вернули. Пропуск — нет.

— Пройдёмте.

Его отвели в небольшую комнату рядом с проходной. Внутри стояли стол и три стула. Один из сопровождающих сел у двери.

— Я могу пройти в лабораторию? — спросил Адам.

— Пока нет.

— Сколько ждать?

— Вам сообщат.

Человек из госпиталя приехал примерно через час. Вошёл, положил на стол заблокированный пропуск и сел напротив. Охранник вышел.

— Вы отправили результаты за границу, — сказал мужчина. — После предупреждения бросили телефон и ушли от сопровождения. Теперь вернулись. Зачем?

— Мне нужны мои анализы.

— Они принадлежат институту.

— Я их сделал. И я единственный здесь, кто пытался разобраться, что они означают.

Мужчина посмотрел на него, но спорить не стал.

— Вы уже поняли, почему выбрали вас?

Адам не ответил.

— Свой образец вы проверили на двух приборах, — продолжил мужчина. — После этого уехали домой. К бумагам отца.

Адам сжал в кармане лист. Его проверка, страх перед собственным результатом — всё это уже лежало перед человеком из госпиталя, только в виде времени запуска и номера прибора.

— Что вам нужно?

— У Виктора Астафьева был источник. Кто-то давал ему материалы и объяснял, как их читать. Нам нужен этот человек.

— Тогда ищите.

— Мы искали. Ваш отец не назвал его. Возможно, оставил что-нибудь вам.

— Поэтому вы прислали образцы?

— Они заставили вас открыть блокноты.

Адам убрал руку из кармана. Он вспомнил, как бережно раскрывал коробку, как сравнивал рисунок с фотографией. Даже это теперь выглядело выполненным поручением.

— Вы найдёте человека, с которым встречался ваш отец, — сказал мужчина. — И сообщите мне. До разговора со мной никого к нему не приведёте и никаких материалов ему не передадите.

— А если я откажусь?

— Тогда ваша работа закончена. В лабораторию вы не вернётесь. А о передаче данных в Берлин будете разговаривать уже не со мной.

Адам посмотрел на заблокированный пропуск. На фотографии он был моложе, ещё до седины. Когда её делали, достаточно было назвать отдел и должность, чтобы получить доступ к работе.

— Я не знаю, как его искать.

— Узнаете.

— А когда найду, что вы с ним сделаете?

Мужчина не поторопился с ответом.

— Сначала найдите.

Адам отвёл глаза от пропуска. Человек, о котором писал отец, помогал ему почти сорок лет. Теперь сыну предлагали расплатиться им за возвращение собственных файлов.

— Мне нужны анализы и фотографии, — сказал он наконец. — Иначе я не смогу даже понять, о чём написано в блокнотах.

— Сохранённые результаты заберёте. К образцам крови и тканей доступа больше нет. В лабораторию сейчас пройдёте с сотрудником охраны. Самостоятельного допуска у вас не будет.

Мужчина убрал пропуск в карман.

— Жить будете дома. Один из наших сотрудников теперь будет находиться в квартире. Они будут сменять друг друга. Выходить из дома — только с сопровождением.

— Вы собираетесь поселить у меня охранника?

— У подъезда мы уже ждали. Вы знаете, чем это закончилось.

Мужчина достал из кармана телефон и положил на стол. На чехле белела царапина, которую Адам оставил ещё весной. Он смотрел на неё и не брал аппарат.

— Пассажир передал его водителю трамвая, — сказал мужчина. — Мы забрали. Держите при себе и отвечайте на звонки.

Адам взял телефон и убрал в карман.

— Найдёте что-нибудь — звоните по номеру на карточке. Встреча без согласования будет нарушением нашей договорённости.

Адам кивнул. Мужчина подождал. Адам молчал. Тогда тот встал.

Мужчина открыл дверь и позвал охранника.

— Проводите в лабораторию. Результаты может забрать. На выходе проверьте вещи.

Адам поднялся. Пропуск остался в кармане собеседника. Телефон он забрал.

Адам вошёл в лабораторию вместе с охранником. Кушетка стояла там же. Он взялся за ручку ящика и обнаружил, что замок больше не держит.

Накопителя внутри не было.

Он проверил соседний ящик. Там лежали расходники, всё как раньше. На краю стола осталась кружка с засохшим следом кофе; её никто не тронул.

— Здесь был накопитель.

Охранник посмотрел на пустой ящик.

— Я пришёл с вами.

Больше Адам не спрашивал.

Адам прошёл к старому морозильнику. Пробирка с запасным накопителем оставалась на месте. Он достал её, вытер иней и убрал в рюкзак. Проверять файлы на рабочем компьютере не стал. Утром после переписки с Анной ему уже показали, что действия на нём фиксируются.

В шкафу с материалами из Египта стоял жёсткий футляр без подписи. Адам увидел его через стеклянную дверцу. Тот самый, который он отложил в день получения груза.

На стекле шкафа отражалась дверь с охранником. Адам отвернулся от морозильника и подошёл к шкафу.

— А этот футляр можно забрать? — спросил он.

— Вам разрешили результаты. Материалы остаются здесь.

— Уточните. Он не подписан, и я не знаю, что в нём. Может, там документы, которые мне не дали прочитать.

Охранник достал футляр, но держал его у себя, пока звонил. Назвал номер пломбы, выслушал ответ. Затем протянул Адаму телефон.

— С вами хотят поговорить.

В трубке ответил тот же мужчина, с которым Адам разговаривал у проходной.

— Забирайте футляр, доктор Астафьев. Только не повредите содержимое.

— Почему вы разрешаете?

— Мне нужно, чтобы вы продолжили работу.

— Тогда объясните, что лежит внутри.

Связь оборвалась прежде, чем он успел повторить вопрос. Охранник отдал футляр, досмотрел рюкзак и сам застегнул наружный карман. Адам заметил, что тот обращается с футляром осторожнее, чем с пробиркой, в которой лежала последняя копия его работы.

— У входа ждёт машина. Вас отвезут домой, — сказал охранник.

— Мне нужно забрать вещи. Я снял комнату, блокноты остались там.

— Назовёте адрес водителю. Сначала заедем за вещами.

В машине Адам сел сзади. Охранник устроился рядом, оставив между ними ровно столько места, сколько занимал рюкзак. Когда водитель спросил адрес, Адам назвал шиномонтаж.

— Это где вы жили? — уточнил тот.

Адам объяснил поворот к воротам. Комната, которую он снимал под чужим именем, переставала быть укрытием с каждым следующим словом.

У ворот шиномонтажа водитель остановился и остался в машине. Охранник вышел вместе с Адамом и поднялся следом по металлической лестнице.

— Собирайтесь, — сказал он, остановившись в дверях комнаты.

Адам собрал блокноты. На листе для хозяина написал, что съезжает, и задержался над подписью. «Андрей». Охранник ждал у двери; он мог прочесть всё через плечо.

Адам оставил ключ на записке. За оставшиеся дни деньги просить не стал. Внизу снова сел в машину и назвал домашний адрес.

У подъезда охранник снова вышел с ним. Адам отпер квартиру и вошёл. Мужчина прошёл следом, осмотрел комнаты и остановился у второй двери в конце коридора.

— Отсюда вы ушли?

Адам кивнул.

— Закройте. Ключ пока будет у меня.

Адам запер дверь на служебную лестницу и отдал ключ.

Охранник снял куртку и повесил её в прихожей. Это был крепкий мужчина лет сорока с коротко остриженными тёмными волосами. Он перенёс стул из кухни в коридор и сел так, чтобы видеть входную дверь.

— Вам что-нибудь нужно сейчас? — спросил он.

— Поспать.

— Тогда отдыхайте. Если захотите выйти, скажете мне.

Адам унёс рюкзак в спальню. Его собственные вещи лежали на привычных местах: книга у кровати, рубашка на спинке стула. Из коридора доносился негромкий голос охранника, который докладывал по телефону, что они приехали.

Адам прикрыл дверь спальни. Из кухни скрипнул ещё один стул. Он прислушался: охранник искал, на чём сидеть удобнее.

* * *

Было уже почти утро. Адам лёг, но заснуть не смог. Рюкзак стоял у кровати. Он то и дело смотрел на него, вспоминая разговор в институте.

Когда рассвело, Адам встал, достал блокноты и сложил их на письменном столе в спальне. Рядом поставил футляр. Из коридора было слышно, как охранник разговаривает с кем-то по телефону.

Он повертел футляр, провёл пальцем по стыку корпуса. Искал хоть что-то похожее на передатчик и чувствовал себя нелепо: за дверью сидел человек, у которого был ключ от его квартиры. Футляр разрешили забрать, почти настояли на этом. Адам положил его перед собой.

Адам расстелил на столе чистый пакет, надел перчатки из оставшегося в рюкзаке рабочего набора и вскрыл пломбу.

Внутри лежал прозрачный герметичный контейнер. Через стенку было видно серо-зелёный осколок размером с большой палец. Один край был неровным, как у отломанной части. Под гладкой поверхностью слабо светились синие линии.

Адам узнал их сразу. Такое же ветвление он видел на фотографиях двери и под микроскопом, когда исследовал присланный материал.

Он достал контейнер. Тот оказался чуть тёплым.

Батарея под окном была холодной. Адам поставил контейнер на стол. Через полчаса пластик всё ещё грел пальцы. Точно измерить температуру было нечем; вскрыть внутреннюю упаковку среди книг и одежды он не решился.

Адам задёрнул шторы, включил настольную лампу и наклонился, чтобы рассмотреть осколок. Нити у ближайшего к нему края стали ярче.

Он отступил. Свет ослаб.

Первой мыслью было, что изменилось отражение. Адам выключил лампу и подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. Синие линии оставались видны.

Он протянул руку. Когда пальцы оказались рядом с контейнером, нити снова разгорелись. Адам отдёрнул ладонь, и свет потускнел.

Несколько секунд он стоял неподвижно. Потом повторил движение медленнее, не касаясь стенки. Реакция была той же.

Он поднёс к контейнеру свёрнутый лист бумаги, затем пустую кружку. Ничего не изменилось. Когда приблизил собственную руку, ближайшие ветви посветлели.

Адам сел на кровать. Перчатки он так и не снял.

За дверью охранник откашлялся. Адам мог позвать его, попросить тоже протянуть руку. Сравнить реакцию. Он даже повернулся к двери, но остался сидеть.

На столе лежал предмет из той же партии, что и кровь Глеба. У Адама в хромосоме была похожая последовательность. Если он сейчас позовёт охранника, следующий разговор с человеком из госпиталя начнётся уже с этого.

Адам медленно снял перчатки, не приближая рук к контейнеру.

Он снова услышал голос человека из госпиталя: «Только не повредите содержимое».

Он попросил сам — и только сейчас услышал в памяти, как быстро получил разрешение.

В коридоре скрипнул стул. Адам поднял голову: за прикрытой дверью спальни прошёл охранник. Из прихожей донёсся звук открываемого замка, затем голоса — приехал сменщик.

Адам закрыл футляр и убрал его в рюкзак. На столе остались блокноты. Он раскрыл последний, нашёл закладку и заставил себя вернуться к чтению.

* * *

За два дня он собрал несколько записей о посетителе. Имени по-прежнему не было. Отец называл его то гостем, то собеседником, а иногда просто писал: «Он пришёл».

«Сегодня снова исправлял мои копии. Два знака я считал одинаковыми, он показал различие. Сфотографировать себя не позволил. Сказал, что и без того слишком часто появляется рядом со мной».

На другой странице:

«Спросил, почему он помогает. Ответил, что его народ давно решил нашу судьбу, а он с этим решением не согласен. Больше ничего не объяснил».

Самая поздняя запись была сделана за несколько недель до смерти Виктора:

«За почти сорок лет он не попросил у меня ничего. Ни денег, ни услуги, ни обещания. Я не знаю, почему он выбрал меня. Знаю только, что без него у меня не было бы большей части этих записей. И что он рисковал всякий раз, когда приходил».

Адам сверил даты. Первые встречи происходили за несколько лет до его рождения.

Посетитель приходил ещё при жизни матери. Адам перечитал дату, отсчитал годы. Ему всё хотелось увидеть на полях её имя.

Адам попытался вспомнить людей, приходивших к ним домой. Коллеги отца, соседи, мать встречает кого-то в прихожей. Отдельные лица, голоса, без ясной связи с датами. Ни один из этих людей не запомнился так, чтобы теперь он мог уверенно сказать: вот кого нужно искать.

В блокноте лежала расшифровка письма. Адам достал её и перечитал место о человеке, которому отец доверял. Затем посмотрел на имя, оставленное в первоначальных знаках. За последние дни оно не стало понятнее.

Адреса не было. Телефонные номера на полях принадлежали другим людям. Встречи назначал сам гость; отец иногда записывал только день и два слова: «Он пришёл».

«Пробовал передать ему сообщение через людей, которых считал его знакомыми. Без результата. Он приходит сам. Как узнаёт, что мне нужна помощь, не объясняет».

Адам уже читал эту страницу. Теперь заметил маленькую стрелку на полях: она отсылала к записи в конце тетради.

Он перелистнул блокнот.

«Есть люди, которым снится красное небо и город у моря. Они никогда там не бывали, но узнают одни и те же места. Он ищет таких людей и помогает им. Так нашёл и меня».

Ниже отец дописал:

«Адам, если тебе понадобится его найти, начни с них. Ты тоже видел этот город, когда был маленьким. Я записывал то, что ты рассказывал утром. Ты давно забыл, но записи остались».

Адам медленно провёл пальцем по последней строке.

В соседней комнате хлопнула дверь, кто-то спросил охранника о смене. Адам прикрыл тетрадь ладонью. Теперь он мог искать людей, способных описать то, что снилось ему самому. Среди них гость уже однажды нашёл отца.

Адам взял чистый лист и записал детали своего сна: море, бледные башни, красное небо, низкий гул. Потом добавил стену с надписью, которую вспомнил дома.

Если другие видели то же самое, кто-нибудь мог рассказать об этом. Врачу, близким, в интернете. Нужно было найти хотя бы одного.

И тут Адам подумал о детях из исследования Анны.

Короткие совпадения в их ДНК. Его собственный сон. Адам потянулся к телефону: Анна могла бы узнать у врачей, рассказывал ли кто-нибудь из детей о красном небе. Рука остановилась над аппаратом.

В присланном файле были только номера образцов. Связаться с семьями по ним Адам не мог. Имена могла знать Анна.

На экране всё ещё была их ночная переписка. Даже теперь, после трамвая и чужих рук, телефон открывал её на той же строке: «Сейчас позвоню».

Адам обновил почту. Новых писем от Анны не было.

Написать ей он мог прямо сейчас. Гораздо труднее было понять, кто прочтёт письмо вместе с ней и чем обернётся ещё один его вопрос.

Он положил рядом два листа: детали сна и выписки из отцовского блокнота. Поиски можно было начать с людей, которые сами уже рассказывали о подобных снах. Для этого не требовалось втягивать Анну в новый разговор.

Он включил домашний компьютер и набрал: «город у моря красное небо сон». Выдача заполнилась чужими рассказами, толкованиями, случайными картинками. Адам открыл первую ссылку, затем следующую. За дверью охранник громко спросил, нужен ли ему чай.

— Нет.

Телефон он положил возле клавиатуры экраном вверх. Если Анна ответит, он увидит.

Глава 8. Берлин

— Других комментариев не будет, — сказала сотрудница пресс-службы.

Лея Марен посмотрела на лист, который та положила перед ней. Сочувствие родным. Обещание помочь следствию. Анна Феррис названа выдающимся исследователем и незаменимым коллегой.

О работе её лаборатории не было ни слова.

— Я спрашиваю не о причине пожара, — сказала Лея. — Кто оплачивал исследование детских образцов?

— Институт не разглашает условия договоров с партнёрами.

— Название фонда есть в вашем годовом отчёте.

— Тогда вы уже знаете ответ.

Сотрудница встала, давая понять, что разговор окончен.

Лея перевернула лист. На обороте было пусто.

— Кто отвечает за договоры?

Сотрудница уже стояла у двери.

— Письменный запрос.

— Он у вас со вчерашнего дня.

Лея подождала ещё секунду, затем убрала лист. Ей было сорок три; за двадцать лет работы она научилась различать конец разговора и момент, когда собеседник только надеется его закончить. Сейчас продолжать было бесполезно. Она оставила визитку и вышла из административного корпуса Института молекулярной генетики.

Лаборатория Феррис находилась в соседнем здании. Третий этаж был закрыт, у входа дежурила охрана. Два дня назад, вскоре после одиннадцати вечера, там начался пожар. Анна погибла.

Лея остановилась под навесом и достала телефон. На присланном ей снимке виднелись обгоревшие столы и расплавленные панели приборов. Коллега Анны, переславший фотографию, написал, что сильно пострадали также морозильник с образцами и серверный шкаф.

Она приблизила угол с морозильником. От наклейки на дверце осталась обугленная полоса. Вчера Лея спрашивала институт, где находятся резервные копии и можно ли установить, какие образцы уничтожены. Сегодня ей вручили лист о незаменимом коллеге.

Под навесом было холодно. Она застегнула пальто, прикрывая телефон от дождя, и снова открыла вчерашний запрос.

* * *

Лея занималась финансовыми расследованиями для нескольких европейских изданий. Её последняя работа началась с грантов благотворительного фонда Lumen.

Фонд оплачивал исследования в области генетики и продления жизни. Восемь месяцев Лея изучала его договоры. В нескольких из них нашла одинаковый пункт: заказчик получал доступ к результатам до публикации и мог требовать дополнительной проверки перед их обнародованием.

По трём законченным проектам публикаций не было вообще. Руководители групп отвечали одинаково: результаты обсуждаются. Когда Лея просила назвать собеседников, переписка прекращалась. Деньги приходили через посредников; последнего получателя прав на данные найти не удавалось.

Лаборатория Анны Феррис участвовала в одном из этих проектов.

За неделю до пожара Лея попросила Анну о встрече. Та ответила коротко: сейчас занята, о договорах лучше говорить с администрацией. Лея решила, что её вежливо отсылают, и стала искать другого собеседника.

Теперь под ответом Анны у неё оставался неотправленный черновик: предложение встретиться хотя бы на десять минут. Лея написала его, отвлеклась на другой звонок и не вернулась. Она закрыла черновик, не удаляя. Две строчки всё равно ничего уже не изменили бы, но удалить их было трудно.

Человеком, согласившимся говорить, оказался Йонас, докторант из группы Феррис. Он откликнулся на её старый запрос уже после пожара. Попросил встретиться вне института и не звонить ему на рабочий номер.

Встречу назначили в кафе в Кройцберге.

* * *

Йонас пришёл раньше и выбрал стол в глубине зала. Ему было двадцать шесть; светлые волосы торчали над ушами, очки сползали на переносицу. Он сидел над полной чашкой и придерживал рукав свитера поверх часов. Когда Лея назвала его имя, сначала посмотрел к двери.

Лея села напротив и положила телефон на стол экраном вниз.

— Можно записать разговор?

Йонас покачал головой.

Она убрала телефон в сумку и достала блокнот.

— Без вашего согласия имени в статье не будет.

— Статья уже есть?

— Нет. Пока есть вопросы.

Он кивнул. Руки с чашки не убрал.

— Вы давно работали с Анной?

— Почти три года.

— Что происходило в последние дни?

Йонас посмотрел на окно. Потом придвинул чашку, из которой ещё не пил.

— Она опять подняла детское исследование. То самое, про которое вы спрашивали.

Несколькими днями раньше, рассказал он, знакомый прислал Анне необычный результат и попросил проверить расчёты. Она заметила совпадение со старыми данными своей группы. Два года назад короткие неизвестные участки в нескольких образцах посчитали ошибкой анализа. Теперь Анна решила всё проверить заново.

— Кто прислал результат? — спросила Лея.

— Знакомый из Москвы. Имени я не знаю. Она сказала, что училась с ним.

В ту ночь Анна работала допоздна. Утром объяснила Йонасу, какие файлы ей понадобятся. А через несколько часов в лабораторию пришли двое мужчин.

— Они представились?

— Не мне. Попросили Анну выйти. Она повела их в переговорную.

— Вы слышали разговор?

— Нет. Потом она отменила встречи и уехала домой. Я написал, всё ли в порядке. Она ответила, чтобы старые файлы больше не открывали.

— Но сама продолжила?

— На следующее утро.

Йонас снял очки и протёр их краем свитера. Лея ждала.

— Я спросил зачем. Она ведь сама сказала, что ей велели прекратить.

— Что она ответила?

Йонас впервые посмотрел прямо на Лею.

— Сняла очки. Она их всегда снимала, когда сердилась. Я подумал, сейчас на меня закричит. А она спросила, сколько детям теперь лет. Тем, чьи образцы мы проверяли.

— Вы ответили?

— Прибавил два года.

Он отодвинул чашку.

— Она сказала: прежде чем закрывать работу, нужно узнать, почему заказчик выбрал именно их. Они же никуда не делись, пока мы не открывали файлы.

В следующие два дня Анна сверяла результаты с документами на исследование. Утром в день пожара передала Йонасу сложенный лист. Попросила отнести домой и не оставлять в институте.

Вечером сказала, что вернётся за бумажными протоколами. В них должны были сохраниться сведения о том, какие клиники присылали материал и кто составлял списки участников.

— Я предложил забрать протоколы утром, — сказал Йонас. — Она ответила, что не хочет ждать.

— Вы видели, как она вернулась?

— Нет. Последний раз говорил с ней около семи. Потом нам сообщили, что она пришла после одиннадцати. Больше я её не видел.

Лея записала время и подчеркнула его.

— О двух посетителях вы рассказали полиции?

— Да. Меня опрашивали вчера.

— А о листе, который она дала?

Йонас опустил глаза.

— Пока нет.

* * *

С рабочими копиями, по его словам, тоже происходило что-то непонятное.

Часть оборудования сгорела. Доступ к общему хранилищу проекта закрыли. На вопросы о резервных копиях Йонасу отвечали, что данные ещё восстанавливают и обсуждать это нельзя.

— То есть вы не знаете, что осталось? — уточнила Лея.

— В институте — не знаю. Но была ещё копия в отдельном архиве. У нас с Анной к ней был доступ.

Он достал телефон и открыл сохранённое уведомление. Папку проекта удалили в час семнадцать ночи. В сообщении была указана учётная запись Анны Феррис.

— Уже после начала пожара, — сказал Йонас. — Когда там работали спасатели.

Лея переписала время, название проекта и адрес службы, приславшей уведомление.

— Кто ещё мог пользоваться её учётной записью?

— Я не знаю. Пароль она не давала.

— Удаление можно было назначить заранее?

Йонас помолчал.

— Можно. Но зачем ей было…

Он остановился.

Лея подчеркнула адрес службы. Здесь нужен был журнал доступа, и получить его через Йонаса, лишённого допуска, она не могла.

— Сохраните это письмо целиком. Не только снимок экрана.

Он убрал телефон.

— Вы сказали, Анна оставила вам лист.

Йонас достал из внутреннего кармана конверт.

— Велела держать дома. Не сканировать и не отправлять по рабочей почте. Сказала: если её заставят уничтожить данные, хотя бы это должно остаться.

— Почему вы решили принести его мне?

— Вы спрашивали про Lumen ещё до пожара. Она в последние дни тоже искала документы фонда. Я подумал, вы знаете больше, чем я.

Он вынул сложенную вчетверо распечатку и разгладил её на столе.

* * *

В левой колонке стояли номера образцов, рядом — короткие последовательности букв. Несколько строк Анна отметила звёздочками. На полях её рукой было написано:

«Повторная проверка. Не похоже на загрязнение. Участок входит в состав человеческой хромосомы».

Лея прочла пометку и повернула лист к Йонасу.

— Объясните без специальных терминов.

— Сначала мы думали, что в пробы попал посторонний материал. Анна проверила ещё раз и решила, что эти участки относятся к ДНК самих детей.

— Это болезнь?

— Мы не знаем, что это. Дети на момент обследования были здоровы.

— Сколько их?

— В исследовании — несколько тысяч. Здесь только те образцы, которые она перепроверяла.

Под таблицей шла ещё одна запись:

«Совпадение у отмеченных образцов. Проверить наследование. Кто отбирал участников? Знал ли заказчик, что искать?»

Последний вопрос был обведён дважды.

Лея провела ногтем вдоль строки, отмеченной двумя звёздочками. Номер, возраст, код клиники. Она привыкла искать в таких таблицах суммы и подписи. Здесь нужно было добраться до семьи, которая, возможно, считала обследование давным-давно оконченным.

— Здесь есть имена?

— Нет. Только номера, возраст и коды клиник. Имена оставались у врачей, которые брали образцы.

— Эти коды можно расшифровать?

— В списке участников проекта были названия клиник. Если список сохранился.

Она переписала коды клиник в отдельный столбец. Йонас потянулся проверить, не ошиблась ли она в цифрах; первую простую работу за весь разговор он сделал заметно спокойнее.

— Анна проверяла, кто оплатил именно это обследование?

— Да. Грант шёл через Lumen. Но в приложении к договору была указана ещё одна компания.

— Вы видели приложение?

— Я готовил таблицы для отчёта. Нам дали старый комплект документов, потом заменили. В новом этой страницы уже не было.

— Копия у вас осталась?

— Нет.

— Название помните?

Йонас посмотрел на соседние столы и понизил голос:

— AURIX.

Лея записала название, хотя могла обойтись без записи.

Компания занималась генной терапией и препаратами для продления жизни. Её руководство выступало на научных форумах, её представители заседали в советах фондов. Весной Лея уже просила у AURIX интервью о финансировании исследований. Ей прислали ссылку на публичный отчёт и отказали во встрече.

В блокноте рядом с AURIX она поставила вопросительный знак и номер страницы, которую помнил Йонас. Он заметил знак.

— Я точно видел название.

— Я вам верю. Теперь нужно найти бумагу, чтобы не пришлось писать, от кого я это узнала.

— Кто ещё мог сохранить старый комплект? — спросила она.

Йонас назвал двух сотрудников. Лея записала имена.

— Пожалуйста, не говорите в институте, что мы встречались, — сказал он.

— Я не буду. Но вам нужен человек, который поможет передать сведения о листе следствию. У моего редактора есть юрист. Я могу попросить его связаться с вами.

Йонас долго молчал, затем кивнул.

Когда они вышли из кафе, Лея осталась у двери. Конверт с распечаткой лежал у неё в сумке. Йонас оглянулся, дошёл до перехода, пропустил зелёный свет и перешёл на следующий. Лея достала телефон и нашла номер редактора. Нажала вызов, когда докторант скрылся за поворотом.

* * *

Вечером Лея вернулась в квартиру, которую снимала в Берлине. Разложила материалы на кухонном столе и связалась с редактором. Рассказала о встрече, отдельно перечислила то, что могла подтвердить, и то, что пока знала только со слов Йонаса.

Редактор попросил прислать снимок листа и отдельно — что именно видел Йонас.

— Не твою реконструкцию. Его слова.

Лея посмотрела на свои записи. Время удаления архива она подчеркнула дважды.

— Я различаю.

— Тогда пришли. Юристу позвоню сам.

Она сделала копию, закрыла сведения, по которым можно было узнать семьи, и отложила оригинал. Йонасу ещё предстояло решить, как передать его следствию.

Лея уже собиралась закрыть ноутбук, когда пришло сообщение через форму для конфиденциальных источников. Отправитель не представился. Вместо имени стоял набор цифр.

«Вы вышли на нужный проект. Анна Феррис не первая. Проверьте два случая ниже».

Дальше были ссылки на короткие сообщения о пожарах в исследовательских лабораториях. Оба произошли в этом году. В одном погиб сотрудник, во втором никто не пострадал, но было уничтожено оборудование.

Лея открыла обе ссылки и сохранила страницы. Ни Lumen, ни AURIX в коротких заметках не назывались. У первого института был указан подрядчик; она вынесла название в блокнот. По второму не было даже этого.

Следующая часть сообщения заставила её выпрямиться:

«Результат Анне прислал Адам Астафьев, генетик из Москвы. Он обнаружил сходную последовательность у себя. Недавно пытался уйти от наблюдения. Теперь находится дома под охраной. Если будете искать его, не звоните в институт».

Лея перечитала имя. Йонас говорил о знакомом из Москвы, но не называл его. Эту часть рассказа она ещё нигде не публиковала.

Она вернулась к собственным письмам редактору. Имени Адама там не было — она сама читала его впервые. Набор цифр в поле отправителя от этого не стал менее чужим.

В конце стояли ещё две строки:

«Вам позволят задавать вопросы, пока ваши вопросы кому-то полезны. Феррис тоже сначала велели только прекратить работу».

Лея отодвинула ноутбук. Отправитель не просто знал о её работе: он выбирал, какую дверь она откроет следующей.

Она ответила:

«Откуда вы знаете об анализах Астафьева? Чем можете подтвердить связь пожаров?»

Ответа не было.

Лея нашла на сайте московского института страницу Адама. Генетик, лаборатория биологических угроз. Должность совпадала с сообщением. Она сохранила страницу, но звонить не стала.

Затем переслала редактору сам текст предупреждения. Он ответил почти сразу: «Сегодня больше ни с кем не встречайся. Утром созвонимся».

Лея посмотрела на время. За окном давно стемнело. На столе рядом с ноутбуком лежали распечатка Анны и блокнот с кодами клиник.

Во втором браке у них было правило: за ужином телефон оставался в прихожей. Лея несколько месяцев честно вставала из-за стола и уходила отвечать туда. Теперь, вспоминая, она всякий раз видела пустую тарелку напротив, хотя муж не всегда уходил. О первом браке она могла сказать, что работа была ни при чём. О втором — уже нет.

Она закрыла переписку и убрала ноутбук. Квартира была съёмной, стол — слишком маленьким для двух человек, если один разложит на нём бумаги. Сейчас Лея никому не мешала.

Распечатку оставила перед собой.

Один из отмеченных образцов поступил из британской клиники. Название центра могло сохраниться в старом отчёте о проекте. Лея выписала код на отдельную страницу: с него она начнёт утром.

О происхождении данных мог рассказать человек в Москве. О том, зачем их собирали, — возможно, семьи детей. Лея пока не знала, к кому сумеет добраться первой.

Глава 9. Один и тот же сон

Адам нашёл форум на следующее утро.

Он сидел за компьютером в спальне. Рядом лежал раскрытый отцовский блокнот, а в коридоре дежурил сменившийся охранник — молчаливый мужчина с короткой седой стрижкой. Каждый раз, когда Адам выходил на кухню, тот отрывался от телефона и провожал его взглядом.

Поиск по словам «красное небо» и «город во сне» сначала выдал толкования сновидений, фотографии закатов и обсуждение какой-то игры. Адам добавил «башни у моря». На второй странице появилась ссылка на старую ветку форума.

Первое сообщение было коротким. Женщина спрашивала, снится ли кому-нибудь город с высокими светлыми башнями. Небо над ним красное, моря не видно, но слышен прибой. Она возвращалась туда с детства и уже знала дорогу от площади к широкому спуску.

Адам прочитал сообщение ещё раз. Потом посмотрел на дату: восемь лет назад.

Ответов было больше тысячи.

Он пропускал рассуждения о прошлых жизнях и искал описания. Некоторые почти дословно повторяли первый пост. Другие расходились с ним: вместо площади человек видел мост, вместо моря — ровную тёмную поверхность. Но несколько деталей встречались постоянно. Светлые башни с расширяющимися основаниями. Красное небо без солнца. Проход, ведущий под землю. Ощущение, что там кто-то ждёт.

В одной из соседних веток участники выкладывали рисунки. Адам открыл фотографию тетрадного листа и придвинул к экрану блокнот отца.

Знак был похож. Три расходящиеся линии, короткие ответвления, небольшой разрыв у основания. На следующем рисунке пропорции отличались, но сам узор оставался узнаваемым.

Такой же он видел на фотографиях из Египта.

Адам отступил на несколько страниц назад. Один участник выложил тот же узор через неделю после другого; третий ссылался на него. Оба имени он решил пропустить. Ему нужен был человек, который рисовал до форума, до чужих слов о красном небе.

Он завёл отдельный файл и начал выписывать имена, даты и ссылки. Через час в нём было двенадцать человек, с которыми стоило поговорить.

Одна из них жила в Москве.

Вера Хольт писала редко, но отвечала новичкам и просила не выкладывать в общий доступ адреса и медицинские документы. В её профиле было указано, что она работает медсестрой.

Адам представился настоящим именем. Написал, что ему знакомы некоторые из описанных мест и что его отец много лет собирал похожие свидетельства. Предложил встретиться.

Вера ответила ближе к полудню:

«Вы хотите написать статью?»

«Нет. Я генетик. Пытаюсь понять, почему мне снится то же самое».

Ответа долго не было. Затем пришло ещё одно сообщение:

«Сегодня заканчиваю в пять. Можем поговорить в больничной столовой. В другое место с незнакомым человеком я не пойду».

Адам согласился и сразу предупредил, что приедет с сопровождающим. Объяснять причину в переписке не стал.

Вера спросила, будет ли тот сидеть с ними.

«Попрошу его подождать в стороне. Но обещать разговор без посторонних не могу».

«Тогда пока поговорим только о том, что есть на форуме».

Он перечитал «только о том, что есть на форуме». Вера уже закрыла перед ним часть разговора, и винить за это было некого. Адам написал: «Договорились».

Он набрал номер с карточки. Когда ему перезвонили, сообщил, что нашёл человека, который может помочь с поиском отцовского знакомого, и попросил согласовать поездку. Подробности предложил обсудить лично.

Через двадцать минут охранник получил звонок.

— В половине пятого выезжаем, — сказал он из дверей спальни. — Я буду рядом.

— Я понял.

* * *

Вера ждала за столом у окна, в дальнем конце столовой. Ей было около пятидесяти. Крепкая женщина с короткими русыми волосами, в которых уже было много седины, и усталым лицом. Поверх больничной формы она накинула серый кардиган. На столе стояли две чашки чая.

Адам подошёл вместе с охранником.

— Вера? Адам Астафьев.

Она кивнула, но смотрела на человека за его плечом.

— Мы можем поговорить вдвоём? — спросил Адам у сопровождающего.

Тот осмотрел столовую. Запасная дверь в её дальнем конце была закрыта, посетители выходили через кассу.

— Я буду у входа.

Он сел за свободный стол. Оттуда хорошо было видно и Адама, и проход к выходу.

Вера подвинула вторую чашку ближе к гостю, но сама к чаю не притронулась.

— Кто это?

— Охрана. Мне велели найти человека, с которым работал мой отец. Разрешили искать, но одного больше никуда не отпускают.

— За что?

— Я уже пытался уйти от наблюдения.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вы понимаете, как это выглядит?

— Поэтому и предупредил. Если хотите, я сейчас уйду.

Вера помолчала.

— О снах я вам расскажу. Чужие имена давать не буду.

— Хорошо.

Вера подождала, пока охранник отвернётся, и взяла чашку. Говорила она свободно, только иногда чуть дольше выбирала слово. Родилась в Нидерландах, в Москву переехала двадцать лет назад. Город у моря ей снился задолго до переезда, с четырнадцати лет.

— И на каком языке вы там… — начал Адам.

— Ни на каком. Я же не разговариваю.

Адам кивнул, чувствуя неловкость: уже собирался выяснять то, о чём она не говорила.

— Я тогда решила, что запомнила какой-то фильм. Несколько месяцев пыталась его найти. Потом город приснился снова, и я оказалась на той же улице.

— Вы записывали, что видели?

— Сначала рисовала. У меня до сих пор лежит школьная тетрадь. Потом стала записывать, когда просыпаюсь и что помню. Врач попросил.

— Вы обращались к врачу?

— Конечно. Когда неделями боишься ложиться спать, идёшь к врачу. Мне помогли со сном. Но город никуда не делся.

Когда она говорила о враче, в голосе впервые появилось раздражение. Адам открыл блокнот, не предлагая новых объяснений.

— Можно? Только для себя.

— Записывайте.

Он попросил рассказать об одном сне целиком, не сверяясь с сообщениями на форуме.

Вера описала улицу между высокими светлыми зданиями. Стены у земли были широкими и округлыми, выше сужались. На некоторых проступали тонкие линии, похожие на жилки листа. В конце улицы открывалась площадь, за ней начинался спуск. Оттуда тянуло холодом.

— А море? — спросил Адам.

— Слева. Я его почти никогда не вижу. Только слышу.

Он перестал писать.

В его сне вода тоже была слева. Этого он не нашёл ни в одном сообщении Веры.

— Дальше вы спускаетесь?

— Иногда. Там длинный коридор. Он поворачивает, но конца не видно. И есть дверь, к которой я не хочу подходить.

— Почему?

Вера обхватила чашку ладонями.

— Потому что за ней кто-то есть. Я не вижу его и не слышу. Просто знаю, что он заметил меня. После этого обычно просыпаюсь.

На листе у него стояло: «море слева». Адам обвёл эти два слова. Вера следила за ручкой.

— У вас так же? — спросила она.

— Похоже. Только я помню ещё огонь в городе. И бегущие по площади фигуры.

— Давно?

— В детстве снилось часто. Потом перестало. Недавно началось снова.

Она впервые откинулась на спинку стула.

— На форуме таких много. Исчезают на несколько лет, потом возвращаются. Пишут: опять началось. Я раньше каждый раз радовалась, когда сон долго не повторялся. Теперь просто пользуюсь возможностью выспаться.

Из-за стойки донёсся звон посуды. У кассы смеялись две женщины в больничной форме. Адам заметил, что охранник убрал телефон и смотрит в их сторону.

— Ваш отец тоже видел этот город? — спросила Вера.

— Похоже, да. Он собирал записи, рисунки. Я только сейчас начал их разбирать.

— Он может вам рассказать?

— Отец умер почти год назад.

— Простите.

Адам покачал головой.

— Он пытался со мной говорить. Я не слушал. Считал, что он тратит жизнь на выдумки.

Вера подождала. За её плечом работница столовой собирала со столов подносы. Дойдя до них, остановилась, и Вера придержала чашку. Ещё не закончили.

Адам закрыл отцовский блокнот, который хотел ей показать.

* * *

— Вы сказали, что вы генетик, — заговорила она после паузы. — Нас уже пытались расспрашивать об исследованиях. Поэтому я и спросила про статью.

— Кто?

— Женщина из Берлина. Анна Феррис. Вы слышали о ней?

Адам поднял голову.

— Мы вместе учились. Она писала вам?

— Модератору. Он потом спрашивал у участников, готовы ли они поговорить с ней. Речь шла о детях, которые видят похожие сны.

Вера замолчала, глядя на него.

— Когда это было? — спросил Адам.

— Несколько дней назад. А сегодня утром он оставил новое сообщение.

Она достала телефон, открыла форум и передала его Адаму.

«Анна Феррис погибла при пожаре в лаборатории в Берлине. На прошлой неделе она обращалась к нам по поводу детских снов. Если вы переписывались с ней, сохраните сообщения».

Ниже стояла ссылка на сообщение института.

Адам открыл её. На странице была фотография Анны — короткие светлые волосы, тонкая оправа очков, чуть приподнятая бровь. Адам помнил этот взгляд. Через мгновение она должна была снять очки и придвинуться: покажи, где права я. Он почти услышал продолжение.

В тексте говорилось о пожаре, дате и погибшей сотруднице. Адам перечитал фамилию, хотя на фотографии была она.

— Вы не знали, — сказала Вера.

Он покачал головой.

Телефон погас у него в руке. Адам коснулся экрана и снова открыл сообщение.

Пожар случился, когда он ещё проверял почту и собирался подождать до утра. Адам отсчитал дни. В одном месте сбился и начал снова. Анна уже была мертва, пока он решал, стоит ли тревожить её новым письмом.

— Можно я перешлю себе ссылку?

Вера кивнула.

Адам достал свой телефон. Несколько раз ошибся, набирая адрес. Вернул ей аппарат и положил руки на стол.

«Будь осторожна».

Он написал это после просьбы поработать ночью, после того, как она нашла старые совпадения. Не раньше. Адам посмотрел на пальцы, лежавшие на столе. Этими пальцами он удалял из файла имя Глеба и убеждал себя, что убрал всё опасное.

Вера молча пододвинула к нему стакан воды. Он сделал несколько глотков.

— Вам лучше сейчас ехать домой?

Адам посмотрел на охранника. Тот уже встал из-за своего стола, заметив, что разговор прервался. Адам коротко кивнул ему, показывая, что помощь не нужна.

— Нет. Я хочу ещё кое-что спросить. Если вы можете остаться.

— До шести могу.

Он перевернул страницу блокнота. На чистом листе какое-то время не получалось написать ни слова.

* * *

Вера рассказала, что после сна у неё иногда оставалось странное чувство: будто нужно куда-то идти. Днём оно слабело, но не исчезало до конца.

— Куда? — спросил Адам.

— Я говорю «на юг». Не знаю, почему. Это не компас, я не проверяла. Просто, когда думаю об этом месте, кажется, что оно далеко на юге. И глубоко под землёй.

— На форуме пробовали сверять направления, — сказала она. — Только у одного это карта, у другого — чувство. У меня чувство.

Адам записал «юг» и не стал рисовать стрелку.

— А знак? Тот, который рисуют на форуме. Вы его видели?

Вера взглянула на вход, затем подтянула рукав кардигана. На внутренней стороне предплечья кожа была обычной, чуть бледнее, чем на кисти.

— Два раза здесь появлялось что-то похожее. Утром после сна. Тонкие красноватые линии. К вечеру исчезали.

— Остались фотографии?

— Первый раз был давно. Во второй я сняла, но на снимке почти ничего не видно. Никому его не отправляла.

Она нашла фотографию и положила телефон на стол. Адам увеличил изображение. На предплечье различались несколько бледных полос, но ни форму, ни даже чёткие границы узора рассмотреть не удавалось.

— Здесь не разобрать, — произнёс он.

— Знаю. Мне бы тоже было проще решить, что я отлежала руку. Но я видела это при свете, пока оно ещё не побледнело.

Он уже видел, как на таком же месте гаснут линии. На Верином снимке была полоска, ещё одна — неясная, засвеченная. Адам увеличил её, и изображение распалось на квадраты.

Вера ждала. Он мог спросить об анализах, клиниках, родителях. Вместо этого вернул телефон.

— Если повторится, покажитесь врачу. Постарайтесь снять при дневном свете.

— Чтобы вам прислать?

Адам задержался с ответом.

— Нет. Сохраните у себя.

Вера опустила рукав.

— Вы очень стараетесь не сказать, о чём думаете.

— Я пока слишком мало знаю.

— Тогда спросите про человека, которого ищете. Вы ведь ради этого приехали.

Адам закрыл блокнот.

— В отцовских записях есть мужчина, который находил людей с такими снами. Помогал им. Отец знал его много лет. На форуме о нём говорили?

— О посетителе?

Это слово Адам уже встречал в нескольких старых сообщениях, но решил, что речь о ком-то из участников.

— Почему его так называют?

— Потому что имени никто не знает. Либо не хочет писать. Рассказы похожи: приходит незнакомый мужчина, спрашивает о снах. Иногда знает подробности, которые человек никому не рассказывал. Помогает, потом уходит.

— Как помогает?

— Одной женщине нашёл врача. Другому сказал, что делать, когда сон повторится. После этого ему стало легче. Так они писали. Я сама этого мужчину не видела.

— Есть описание?

— Несколько. В одном он высокий, в другом невысокий. В одном молодой, в другом — человек в возрасте. Я потому и не люблю пересказывать: скоро сама начну говорить, будто видела.

Вера посмотрела на часы, но не стала вставать.

— В последних рассказах упоминались рисунки девочки. Сначала люди находили их в интернете, узнавали места из своих снов. Потом к некоторым приходил этот мужчина.

— Он узнавал о них из обсуждения?

— Они оставляли сообщения, искали автора. А один написал, что мужчина сам принёс ему рисунок. Я пыталась вернуться к началу той ветки — половина удалена.

— Вы видели рисунки?

— Один. План. Коридоры, несколько круглых залов. Говорили, девочка нарисовала целый город под землёй. Я не знаю, действительно ли рисовал ребёнок.

— На форуме осталась копия?

— Посмотрите в архиве. Ветка называлась «Детские рисунки». Часть сообщений удалили, когда участники начали выяснять, где живёт семья.

Адам запомнил название, не открывая блокнота. Охранник по-прежнему стоял у своего стола и ждал.

— Если найдёте её, — сказала Вера, — не приводите к ней людей только потому, что они вас об этом попросили.

Он посмотрел на неё.

— Я не знаю, как иначе до неё добраться.

— Тогда хотя бы не обещайте матери, что всё безопасно.

Вера допила холодный чай и убрала телефон в карман кардигана. Ей нужно было вернуться в отделение за вещами.

У выхода Адам поблагодарил её за разговор.

— Если узнаете что-нибудь об Анне, напишите, — попросил он.

— Напишу.

Она ушла к лестнице. Охранник дождался, пока Адам наденет куртку, и повёл его к машине.

— Что-нибудь полезное? — спросил он уже на улице.

— Есть старые сообщения. Нужно проверить.

Сопровождающий открыл заднюю дверь и больше ни о чём не спрашивал.

По дороге домой Адам снова прочитал сообщение института. Потом открыл переписку с Анной. Его последнее письмо оставалось без ответа.

Он положил телефон экраном вниз.

Охранник сидел рядом, седой, молчаливый; своего имени он так и не назвал. Адам видел в стекле его отражение и впервые подумал не о том, как уйти от него, а о следующей двери, к которой тот придёт вместе с ним.

Вера просила не обещать матери безопасность. Это было единственное условие, которое Адам пока мог выполнить.

Глава 10. Схождение

В архиве форума сохранились три рисунка.

На первом Адам увидел длинный проход с округлыми стенами. На втором — несколько залов, соединённых коридорами. Третий был сфотографирован плохо: верхний край листа закрывала детская ладонь, а свет от окна почти стёр карандашные линии справа. Но знак возле входа в центральный зал был виден отчётливо.

Адам открыл фотографию египетской двери. Сравнил разветвления, короткие поперечные штрихи, промежутки между ними.

Рисунок появился на форуме за два года до раскопок.

Он прочитал всю ветку. Мать девочки писала под именем ClaireH. Дочь несколько лет рисовала одно и то же место, иногда просыпалась ночью и просила не открывать дверь. Женщина хотела понять, где ребёнок мог это увидеть.

Сначала ей советовали фильмы и книги. Затем кто-то начал выяснять, в какой школе учится девочка. Клэр удалила фотографии и перестала отвечать. Сохранились лишь копии в чужих сообщениях.

Адам написал модератору. Объяснил, что разговаривал с Верой Хольт, и попросил передать Клэр его адрес. Рисунков и результатов анализов не приложил.

Модератор ответил вечером: сообщение переслано, решение за ней.

На следующий день Адам завтракал перед компьютером. Потом обедал там же. Охранник дважды спрашивал, есть ли результат; Адам отвечал, что ждёт. Он раздражался на Клэр за молчание и всякий раз вспоминал, сколько людей уже пытались найти школу её дочери.

К ночи пришёл ответ:

«Вера подтвердила, что встречалась с вами. Что именно вы хотите спросить у моей дочери?»

Он написал: «Хочу помочь вам разобраться», — и удалил первые три слова. Осталось «разобраться». Кому это было нужно прежде всего, он знал.

Написал, что узнаёт место на рисунке. Что похожие сны были у него в детстве и недавно вернулись. Что ищет человека, который общался с другими сновидцами и, возможно, видел эти рисунки.

Потом добавил: его поездки контролируют. Если он приедет, вместе с ним будет сопровождающий. Клэр может отказаться.

Ответ пришёл через несколько минут:

«Мне уже звонила журналистка по поводу исследования, в котором участвовала Майя. Она приезжает послезавтра. Я хочу, чтобы при разговоре был кто-то ещё. Если решусь вас принять, вы сможете приехать в тот же день?»

Имени журналистки Клэр не назвала.

Адам написал, что попробует организовать поездку. Адреса пока не просил.

* * *

Человек из госпиталя приехал утром. Охранник впустил его в квартиру и остался в коридоре. Адам ждал за столом в спальне; на экране была открыта переписка с Клэр.

Мужчина прочитал её и просмотрел сохранённые рисунки.

— Где она живёт?

— Под Манчестером. Точного адреса у меня нет.

— И вы думаете, что через неё найдёте знакомого вашего отца?

— Через её рисунки. Несколько человек с форума видели их до встречи с ним. Возможно, он следит за обсуждениями. Возможно, знает семью. Это всё, что у меня есть.

Мужчина вернулся к первому письму.

— Вы предупредили её о сопровождении.

— Она должна знать, кого впускает в дом.

— Теперь может передумать.

— Может.

Мужчина задержал на нём взгляд. Адам не отвёл глаз. Клэр могла отказать, и другого следа у него не было. Он ждал, во что ему обойдётся это предупреждение.

Мужчина отодвинул ноутбук.

— Заграничный паспорт есть?

— Есть. И действующая британская виза. Осталась после конференции.

— Поедете с нашим сотрудником. Он будет рядом всё время. Найдёте человека — сразу сообщите мне.

— А семья?

— Вас приглашают поговорить. Поговорите. Без согласия матери ребёнка никуда не везёте и никаких анализов у неё не берёте.

— Я и не собирался.

— Хорошо. Значит, в этом мы друг друга поняли. Семье можете показать знак на двери, раз он есть на рисунках. Остальные снимки и результаты анализов никому не передаёте.

Адам посмотрел на него.

— Анна Феррис погибла.

— Я знаю.

— Вы знали, когда возвращали меня домой?

Мужчина не ответил сразу.

— Обстоятельства пожара выясняют в Германии.

— Я спрашиваю не об этом.

— Больше мне нечего вам сообщить.

Адам сжал край стола. В прошлый раз этот человек точно так же обошёл вопрос, случится ли что-нибудь с Анной. Теперь обходить было ещё проще: случившееся расследовали в другой стране.

Он разжал пальцы.

— Я не передам вам девочку вместо человека, которого вы ищете.

— От вас требуют найти источник вашего отца, Адам Викторович. Этим и занимайтесь.

Мужчина поднялся. У двери остановился:

— С вами поедет Сергей. Сегодня он представится. Покажете ему документы.

Сергей приехал после обеда. Адам узнал человека, который стоял в дверях комнаты над шиномонтажом и забрал ключ от служебной лестницы. В тёмной куртке и джинсах, с небольшой дорожной сумкой, он выглядел так, словно пришёл за попутчиком.

— Сергей, — сказал он.

Адам кивнул. Имя появилось поздно: раньше ему вполне хватало должности.

Вечером Клэр прислала адрес. Они договорились встретиться у неё дома, когда там будет Лея. Клэр попросила, чтобы сопровождающий не присутствовал при разговоре с дочерью.

Сергей прочитал её просьбу.

— В другой комнате подожду. Из дома один не выходите.

— Вы всё равно будете слышать.

— Возможно.

Адам отправил Клэр ответ, не смягчая последнего слова. Она прочла его и только через некоторое время подтвердила встречу.

В дорогу он взял выписки из блокнотов, копии результатов и футляр с осколком. Сергей проверил рюкзак и после звонка своему руководителю оставил всё на месте. Прозрачный внутренний контейнер оставался запечатанным. Для перевозки футляра Адаму передали сопрово-

дительные документы; происхождение образца в них было обозначено так же неопределённо, как когда-то в бумагах на груз из Египта.

В аэропорту Сергей шёл рядом, в самолёте сел через проход. Когда Адам открыл выписки, он не заглянул в них. Когда Адам встал, Сергей тоже поднялся.

В Манчестере их ждал водитель. По дороге Адам смотрел на мокрые улицы, на детей у переходов. Чужая семья ещё могла не открыть дверь. Он ловил себя на желании, чтобы встреча сорвалась без его участия.

* * *

Лея приехала к Клэр раньше.

Маленький кирпичный дом стоял в ряду таких же домов на тихой улице. За окном кухни мокло бельё, которое не успели снять до дождя. На столе лежали школьная тетрадь, пачка печенья и карандаши в кружке с отколотой ручкой.

Клэр Холлис, худощавая женщина тридцати пяти лет, всё время прислушивалась к потолку. Рыжеватая прядь выпадала из собранных волос; она убирала её за ухо тем же движением, которым поправляла салфетку под чайником. Лея ждала, когда Клэр сядет. Та сначала проверила, закрыта ли дверь на лестницу.

— Ей девять, — сказала Клэр, наливая чай. — Рисует это с четырёх.

На стене висели несколько листов. Лея подошла ближе. На одном были изображены проходы, сходившиеся к круглому залу. На другом — тот же зал сбоку, с уступами, уходившими вниз. Возле широкого входа повторялся ветвящийся знак.

Линии местами дрожали, карандаш выходил за край. Рисовал ребёнок. Но откуда он брал такие подробности устройства залов и переходов, Лея не понимала.

— Она объясняет, что здесь нарисовано?

— Говорит, что видит во сне. Если начинаю расспрашивать, сердится. Она уверена, что знает эти места, и не понимает, почему я ей не верю.

Лея достала блокнот. Клэр посмотрела на него.

— Рисунки я уже однажды разрешила смотреть. Потом мне пришлось узнавать, кто написал название её школы.

— Сейчас в печать ничего не пойдёт. Перед статьёй мы обсудим каждое имя и фотографию.

Клэр кивнула, не предлагая снять рисунки со стены.

До этого дома Лея добралась благодаря коду клиники на листе Анны. Название нашлось в старом отчёте об исследовании. Координатор отказался раскрывать имена участников, зато согласился передать её контакты семье ребёнка с нужным номером образца. Через два дня Клэр позвонила сама.

Она хранила согласие на участие Майи в исследовании и письмо с результатами. В письме было сказано, что клинически значимых отклонений не выявлено. Номер в документах совпадал с номером на распечатке Анны.

— Значит, мне неправильно сообщили? — спросила Клэр.

Лея придвинула к письму копию таблицы.

— Вот номер Майи. Феррис отметила его для повторной проверки. Остального на этом листе нет.

— Вы приехали с листом, а мне теперь что делать с письмом? Здесь написано, что она здорова.

— Не выбрасывайте. И не считайте эту отметку диагнозом. Я хочу найти тех, кто назначал исследование.

— Вы говорили, что она погибла.

— Да. Человек, работавший с ней, сохранил часть записей.

Клэр прижала ладонью угол листа, словно боялась, что Лея его заберёт.

— Из клиники мне никто не позвонил. Зато другие приезжали дважды.

— Кто?

— Представлялись сотрудниками программы наблюдения за участниками исследования. Хотели снова поговорить с Майей. Во второй раз предлагали обследование в другом городе. Я попросила прислать всё письменно.

— Прислали?

Клэр покачала головой.

— Что они спрашивали?

— Как она спит. Бывают ли кошмары. Рисует ли она то, что ей снится. Я решила, это из-за форума. Тогда как раз пожалела, что выложила туда рисунки.

Лея записала её слова.

— Фамилии помните?

— Визитка где-то была. Поищу.

Клэр поднялась, но в этот момент раздался звонок в дверь.

— Это, наверное, Адам, — сказала она. — Я просила его приехать, пока вы здесь.

О московском генетике она предупредила Лею ещё по телефону. До этой минуты Лея не была уверена, что он действительно появится.

* * *

Адам вошёл вместе с Сергеем. Водитель остался в машине через дорогу.

Клэр остановила их в прихожей.

— Мы договорились, что разговаривать будет только он.

— Я подожду здесь, — сказал Сергей по-английски.

Он снял куртку и остался у входа в гостиную. Оттуда были видны и лестница, и дверь на кухню.

Клэр проводила Адама к столу.

— Лея Марен. Журналистка из Берлина.

Он посмотрел на Лею, затем на документы перед ней.

— Вы говорили с Анной?

— Не успела. После пожара встретилась с её коллегой.

— На форуме упоминают мужчину, который находил людей с такими снами, — сказал Адам, обращаясь к Клэр. — Он мог приходить к вам или писать после публикации рисунков. Не от клиники. Сам по себе.

— Нет. Таких не было. Я бы запомнила.

— Майя о нём не говорила?

— Не говорила.

Лея предложила ему сесть. Человек из анонимного сообщения оказался перед ней, а его охранник — в прихожей. Подтверждение не успокоило: кто-то знал, что она увидит здесь, раньше неё.

Вблизи Адам выглядел моложе, чем она ожидала. Тёмные волосы, щетина, покрасневшие от недосыпа глаза. Он держал рюкзак на коленях и постоянно смотрел на рисунки за её спиной.

— Клэр сказала, что вы узнаёте эти места, — начала Лея.

— Некоторые детали.

— Где вы их видели?

Он повернулся к хозяйке:

— Сначала я хотел бы посмотреть рисунки. Не спрашивая Майю. Чтобы не подсказать ей ответы.

Клэр достала из ящика толстую папку. Часть листов была подписана с обратной стороны: имя, месяц, год. Она объяснила, что сначала отмечала даты для себя, потом по просьбе специалиста, к которому водила дочь из-за кошмаров.

Адам разложил несколько рисунков на свободном краю стола. Лея заметила, как он задержал палец у одного из них.

— Этот можно сфотографировать?

— Зачем? — спросила Клэр.

— Сравнить с тем, что у меня есть. Сейчас, при вас.

Она подумала и кивнула.

Адам достал телефон, снял лист и открыл на экране другой снимок. Не повернул его к ним сразу; несколько секунд сравнивал изображения сам. Затем положил телефон рядом с рисунком.

На фотографии была тёмная плита с ветвящимся знаком. Клэр наклонилась над экраном.

— Где это?

— В Египте. Знак сняли во время раскопок.

— Фотография могла попасть в интернет? — спросила Лея.

— Не знаю. Но на вашем листе стоит дата двухлетней давности. Раскопки начались гораздо позже.

Клэр перевернула рисунок, проверила дату и снова положила его на стол.

— Вы хотите сказать, она нарисовала это раньше, чем нашли?

— Я хочу понять, почему они похожи.

Из прихожей донёсся скрип пола. Сергей подошёл к кухонной двери и посмотрел на стол. Адам перевернул телефон экраном вниз.

— Мы ещё разговариваем.

Сергей ничего не ответил и вернулся в гостиную.

Лея закрыла блокнот. Когда Сергей скрылся за дверью, Клэр пододвинула к себе рисунки на несколько сантиметров. Адам заметил и убрал руки со стола.

— Мама, а кто приехал?

На пороге появилась Майя.

Невысокая девочка с русыми волосами до плеч, в выцветшей футболке с лошадью и синих легинсах. На пальцах виднелись следы карандаша. Она держала под мышкой альбом и смотрела на разложенные листы с недовольством ребёнка, чьи вещи взяли без спроса.

— Майя, это Лея и Адам, — сказала Клэр. — Я тебе рассказывала. Мы смотрим твои рисунки.

— А можно было спросить?

Клэр отвела ладонь от папки.

— Можно. Прости.

Девочка потянула к себе ближайший лист. Потом перевела взгляд на Адама и остановилась.

— Ты опоздал.

Он не сразу ответил.

— Куда?

— К маленькой двери. Она уже открылась.

Клэр придвинулась к дочери.

— Майя, ты видела его раньше?

Девочка кивнула.

— Во сне.

Лея посмотрела на Адама. Он сидел неподвижно, прижав ладони к рюкзаку.

— Ты можешь показать эту дверь? — спросил он.

Майя взглянула на мать.

— Если хочешь, — сказала Клэр. — Не обязательно.

Девочка положила альбом на стол, села и выбрала карандаш. Адам убрал телефон в карман. Лея отодвинула чашки.

Майя начала с широкого прохода. Затем нарисовала круглый зал и несколько уступов, спускавшихся к центру. Расставила колонны. В одном месте стёрла линию рукавом и провела заново.

— Эта дальше, — объяснила она, хотя никто не спрашивал.

Адам достал свой блокнот, но Клэр подняла руку.

— Подождите, пока закончит.

Он положил блокнот обратно.

Майя дорисовала вход и тот же знак над ним. Потом, на свободной половине листа, начала вторую схему — более широкую, с несколькими примыкающими залами.

— А это что? — спросила Лея, когда девочка остановилась.

— Большая дверь.

— Она рядом с первой?

— Нет. Очень далеко.

Майя провела над второй схемой несколько длинных линий.

— Здесь много льда. А сверху всё белое.

Адам наклонился ближе.

— Это место тебе тоже снится?

— Теперь да. Раньше я видела только маленькую дверь. Потом туда пришли люди и всё разбудили.

Лея прикусила внутреннюю сторону щеки. Уже хотелось назвать материк, спросить о снеге, предложить карту. Карандаш в руке Майи ещё двигался. Лея подождала.

Майя обвела карандашом широкий вход на втором рисунке.

— А это большая дверь. За ней оно живёт.

— Кто? — спросила Лея.

Девочка нахмурилась.

— Не знаю, как объяснить. Оно всегда чувствует, когда я там.

Клэр взяла её за руку.

— Ты ведь говорила, что там никого нет. Только пустые комнаты.

— Раньше не было. А теперь оно на меня смотрит.

Майя перестала рисовать. Карандаш оставил тёмную точку у края большого зала.

— На тебя тоже, — сказала она Адаму.

Он ничего не ответил. Девочка потёрла ластиком точку, но она только размазалась. Майя сильнее прижала ластик к бумаге.

— Всё, на сегодня хватит, — сказала Клэр.

Она вынула лист из альбома, оставила его на столе и увела дочь наверх.

* * *

Лея и Адам остались на кухне вдвоём.

— Что-нибудь ещё узнаёте? — спросила она, придвинув к нему рисунок.

— Дверь и знак я видел на фотографиях. Некоторые залы похожи на те, что мне снились. А это место подо льдом вижу впервые.

— Что из этого я могу проверить без вас?

— Знак. У вас есть рисунок и фотография. Остальное придётся пока оставить так.

Лея помолчала, затем рассказала о людях, которые приезжали к Клэр.

— Они спрашивали, что снится Майе и что она рисует. Потом предложили отвезти её на обследование в другой город.

Адам посмотрел в сторону прихожей.

— Нужно поговорить с Сергеем.

Он вышел из кухни. Лея слышала тихие голоса, но не разбирала слов. Через несколько минут оба вернулись. Следом за ними вошла Клэр с визиткой в руке.

— Нашла. Вот что они оставили.

На карточке были напечатаны название программы, имя координатора и номер телефона. Клиника, где обследовали Майю, не упоминалась.

Адам передал визитку Сергею.

— Эти люди могут быть связаны с вами?

— Не знаю. Сейчас выясню.

— А если они снова приедут?

— Пока мы здесь, одних я вас не оставлю.

Сергей вышел позвонить. Клэр проводила его взглядом.

— Я пригласила вас поговорить с дочерью. Почему теперь этот человек обещает не оставлять нас одних?

Клэр стояла у стола, всё ещё держа пустой конверт.

— У меня есть право попросить вас уйти?

— Есть, — сказал Адам. — И я уйду. Но сначала нужно понять, кто уже приходил. Клиника подтвердила, что присылала их?

— Я звонила. Меня попросили написать на электронную почту. Я написала, но ответа так и не получила.

При повторном звонке в клинику ответил автоответчик. Клэр ещё раз назвала себя, попросила перезвонить и дождалась конца записи, глядя на пустой конверт.

Полиции она уже сообщала о визитах. Теперь объясняла снова: люди назвались сотрудниками программы, клиника не подтверждает, ребёнку девять лет. Её попросили сохранить карточку и письма. Клэр записала это на обороте конверта, хотя ничего другого и не собиралась делать. Срока ответа ей не назвали.

Лея тем временем написала редактору, что задержится у Холлисов, и пообещала позвонить утром. Адрес дома она отправила ему ещё до поездки.

Вернувшись, Сергей положил визитку на стол.

— Мои коллеги проверят, кому принадлежит номер. Если вы не против, мы с Адамом останемся на ночь. Водитель тоже будет здесь. Утром решим, куда вам лучше переехать.

— Нам уже нужно уезжать? — спросила Клэр.

— Стоит хотя бы подумать, где вы с дочерью сможете пожить несколько дней.

— И кто выберет это место?

— Предложу то, что найду. Вы посмотрите.

— А если мне не подойдёт?

Сергей посмотрел на неё, потом на Адама.

— Значит, не подойдёт.

Лея посмотрела на Адама. Спокойным он не выглядел.

— Я остановилась в гостинице, — сказала она Клэр. — Могу узнать, есть ли там номер для вас с Майей. Если захотите, поедем вместе.

— А там нас не найдут?

— Не знаю. Обещать этого не могу.

Клэр устало потёрла лицо.

— Я сейчас уже ничего не соображаю. Майя только легла. Давайте утром? Я позвоню сестре, может, она сможет нас принять.

— Хорошо, — ответила Лея. — Хотите, я тоже останусь?

Клэр кивнула.

— Да. Пожалуйста.

Сергей остался дежурить в гостиной. Адаму Клэр постелила на диване в той же комнате, а Лее предложила маленькую спальню наверху. Водитель ждал в машине. Сергей ненадолго вышел к нему, потом вернулся в дом.

Лея помогала Клэр убирать рисунки, когда на лестнице послышались шаги. Майя спустилась босиком, в пижаме, с альбомом под мышкой. В дверях кухни остановилась рядом с Адамом.

— Ты ведь пойдёшь к большой двери?

— Пока не знаю.

Майя посмотрела на него с недоумением.

— Оно тебя давно ждёт.

Адам держал в руках выписку, уже наполовину сложенную. Девочка подождала ответа, потом обошла его и подошла к матери.

— Мам, этот тоже возьми.

Клэр положила альбом к остальным.

— Пойдём спать. Я посижу с тобой.

— Только мой лист не сгибай.

Адам разжал пальцы. Майя говорила матери о рисунке, но он тоже расправил свою бумагу, прежде чем убрать в рюкзак. Клэр поцеловала дочь в макушку и взяла за руку.

Глава 11. AURIX

Клэр увела Майю наверх. Адам ещё немного посидел за кухонным столом, затем убрал записи в рюкзак и ушёл в гостиную. Сергей спросил его о чём-то вполголоса. Лея не расслышала ответа.

Она осталась на кухне. На столе лежала визитка людей, которые предлагали увезти Майю на обследование. Лея взяла её, перечитала название программы и повернула карточку к свету. По крайней мере, были телефон и напечатанное название. С этого можно было начать, не спрашивая у ребёнка ещё об одной двери.

Минут через двадцать Клэр вернулась.

— Уснула, — сказала она. — Вы тоже ложитесь. Я оставила вам полотенце на кровати.

— Спасибо. Можно я сфотографирую визитку? Попробую узнать, что это за программа.

Клэр кивнула.

— Если найдёте что-нибудь, скажите мне.

— Обязательно.

Лея сделала снимок, вернула карточку и поднялась в отведённую ей спальню. Клэр ушла к дочери. Внизу скрипнул диван, затем дом затих.

Лея поставила ноутбук на письменный стол и включила лампу. На кровати лежало полотенце, которое принесла Клэр. Лея собиралась проверить только название программы. Через несколько минут она уже раскрыла папку Lumen и передвинула лампу, чтобы освободить место для записей. Восемь месяцев договоров, выписок и писем наконец перестали быть материалом, к которому она ещё когда-нибудь вернётся.

После разговора с Йонасом она проверяла, как AURIX связана с детским исследованием. Теперь к названию корпорации добавилось название программы, по которой к Майе приходили домой.

Телефон на карточке не совпадал с номером клиники. Сайт программы состоял из нескольких страниц с фотографиями улыбающихся детей и обещаниями заботы о здоровье. Внизу мелким шрифтом было указано юридическое лицо.

Лея поискала название в своих документах. Поиск выдал приложение к договору Lumen — страницу, которую она уже помечала. Хранение данных участников, последующее наблюдение. Срока наблюдения не было; обследования перечислялись в отдельном соглашении, которого у неё так и не оказалось.

Рядом с пунктом сохранился её старый вопрос: «После окончания проекта?» К Майе продолжали приезжать и после обследования.

Она открыла выписку о владельцах компании. Затем — выписку о её владельце. На третьем шаге появилось знакомое название.

AURIX.

Лея вернулась к фотографии визитки и сверила буквы. Потом сохранила рядом копии подтверждающих документов.

Она выписала цепочку на чистый лист и соединила три компании линиями. От программы к посетителям в доме Клэр линию не провела. Кто именно предъявил визитку, ещё нужно было установить.

Лея написала редактору короткое письмо, приложила документы и попросила независимо проверить связи между компаниями. Имя Майи в копиях для проверки закрыла.

Из коридора донеслись шаги. На пороге появился Адам.

— Свет увидел, — сказал он. — Вы тоже не можете уснуть?

— Посмотрите.

Он подошёл к столу. Лея объяснила, что нашла.

— Фонд оплачивал исследование, а эта компания получила доступ к сведениям об участниках. Через неё могли искать семьи для повторных обследований.

— Какие сведения?

— По этому договору — результаты и номера образцов. Имена должны храниться отдельно, у клиник. Но программа предусматривает связь с участниками. Кто именно передаёт контакты и на каком основании, нужно выяснять.

— И всё это принадлежит AURIX?

— Эта компания — да. С остальными ещё разбираюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.